

The background of the book cover is a close-up photograph of raspberries. In the foreground, a single, vibrant red raspberry is in sharp focus, showing its characteristic bumpy texture. Behind it, several other raspberries are visible, some in various stages of ripeness, from pale yellow to deep red. The raspberries are attached to dark, woody stems with some dried, brown leaves. The background is a soft, out-of-focus green, suggesting a garden or field setting.

Валерий Горелов

КОЛКАЯ МАЛИНА

КНИГА ТРЕТЬЯ
СТИХИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валерий Горелов

Колкая малина. Книга третья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69167347

SelfPub; 2023

Аннотация

Автор предлагает читателю совершить увлекательное путешествие в глубины души и понять, что для человека важнее всего. Может деньги или популярность? А может, первая, несмелая, детская любовь? Или воспоминания о юности? Сотни жизненных историй и нравственных выборов предстают перед нами в стихотворной форме. А что выберете вы?

Содержание

Часть I. Мир	10
Мир	10
Оконце	12
Она одна	14
Напишу	16
Бирюзовый	18
Верный	20
Весна	22
Высшая мера	24
Готов	26
Смысл	28
Жизнь	30
Закуска	32
Мутный шум	34
Не затоптать	36
Не хочу	38
Сограждане	40
Станут	42
Суждено	44
Счастье	46
Туманы	48
Привал	50
Пристенки	52

Рыжим	54
Сирень	56
Помяните	58
Холодно	60
Часть II. Умеют	62
Умеют	62
Ешь	64
Голод	66
В кино	68
В кустах	70
Водка	72
Возвращайтесь	74
«Вот-Вот»	76
Выбор	78
Государственники	80
Два Оно	82
Доверие	84
Загоны	86
Зараза	88
Злословие	90
Когда-нибудь	92
Конфетка	94
Многоточие	96
Мораль	98
Мурло	100
Мы такие	102

На самом деле	104
Наколки	106
Народный	108
Погрешности	110
Согласились	112
Сомнения	114
Соцветие	116
Судный день	118
Тележка	120
«Угадай-ка»	122
Правую рукой	124
Презрение	126
Профессия	128
Родилась	130
С ними и с ней	132
Свет	134
Светофор	136
Сергею, в первое утро Великого поста	138
Хотел	140
Шабаш	142
Часть III. Неотвратимость	144
Неотвратимость	144
Белые глаза	146
Бревно	148
В полномочиях	150
Возомнил	152

Воображение	154
Всегда	156
Второгодник	158
Герои	160
Горбатые	162
Грошик золотой	164
Железом по стеклу	166
Заживо	168
Кривые зеркала	170
Митинг	172
Молчанка	174
Нарекли	176
Совпадения	178
Суета сует	180
Праведник	182
Предатель	184
Разум за разум	186
Рассказчики	188
Сам себя	190
Чтобы не запутались	192
Чужие	194
Шоу	196
Часть IV. Прощающим – прощение	198
Прощающим – прощение	198
За всех!	200
И за тех тоже!	201

А батюшка?	203
Комедийный Старый Новый год	205
Кто он?	207
Лукоморья больше нет	209
Миру – Мир	211
Мундир	213
На коленях	215
Откуда?	217
Пароход	219
Побеждать	221
Пока есть	223
Слушайте	225
Сочельник 6.01.	227
Тракторист	229
Узнал про себя	231
Правда	233
Прах к Праху	235
Предлог и причина	237
Простите	239
Режимы	241
Роют	243
С ними	245
Селёдка	247
Учитесь	249
Чудо из чудес	251
Стены	253

Помнить	255
Сердца	257
Картина	259
Давным-давно	261
Благодарю	263

Валерий Горелов

Колкая малина.

Книга третья

*Нашим родителям и моим сверстникам,
принявшим Христа, посвящается...*

*«Когда разум начинает замерзать, снег
мерещится горячим».*

Часть I. Мир

Мир

Рама облупилась, но дожила до весны,
На стёклах кружева от мелких ручейков,
На подоконнике в кастрюльке,
 пережившей две войны,
Герань в себя приходит от зимних холодов.

Стекло не протирайте тёплой ладошкой:
Оно ещё замутится сильнеей.
Черничное варенье с жареной картошкой —
Ничего не будет этого вкусней.

На железных ходиках обломилась стрелка,
А на стенке штукатурка осыпалась давно.
Тут каждый день – из прошлого ступенька,
Это как немое чёрно-белое кино.

Девочка-подросток сидела у окошка,
На ней платье из синего сатина.
Под ножницы пошла мамина одёжка,
И она сегодня как Мария Магдалина.

Она и есть небесный свет в окне,
К ней лучики тепла, улыбаясь, просятся.
И кто-то написал погнутой стрелкой на стекле,
«Ты будешь наших судеб Мироносица».

А сломанная стрелка не остановит времена,
И сгниют лагпункты пересылок.
Только сберегите посевные семена
И отыщите место для собственных могилочек.

Оконце

Луна не обернётся обратной стороной
Под музыку весеннего дождя,
Которая, как реквием, звучит за упокой
Любви, которая изменчива и зла.

С яблонь белый свет осыпался досрочно,
И никто не знает, чья это вина.
Спешка и терпение порочно,
Когда решается не только за себя.

Если кто-то и уходит, не прощаясь,
То это те, кого мы сами оттолкнули.
Когда не можем жить, не разгоняясь,
То не заметим, что на Веру посягнули.

Руки разделённые в два раза холоднее,
И жизнь тебе на всё не даст ответа.
Веру не теряйте, она чище и мудрее,
И может обойтись без педсовета.

И Вера не бывает без надежды,
Ведь на Земле все океаны зажаты в берега,
И даже самые последние невежды
Свои пытаются заштопать паруса.

Вдохните облако и выдохните Солнце,
Никто не знает свой последний час.
Возможно, жизнь – лишь узкое оконце,
Потому любите как в последний раз.

Она одна

В небе гонялись звезда за звездой,
А в море волна догоняла волну,
И только мы всегда вразнойбой:
Я – в высоту, а ты – в ширину.

Мне очень не хотелось торопиться,
И лучше было опоздать на самолёт.
Я даже не сумела по-людски проститься,
А самолёт уже назад не повернёт.

Ума хватило только для намёка,
И теперь душа ревёт и голодает.
Она, как белая голубка, воркует одиноко
И ничего вокруг себя не замечает.

Я сама себе кружева наплету
Исключительно белого цвета,
Подвенечное платье себе закажу
И уеду в таком виде на край света.

Там, где Южный Крест в темноте блестит,
Там мне будет легче себя уговорить.
Пусть кто-нибудь другой всё за меня решит
И сможет белую голубку с ладони накормить.

Напишу

Ночами тайно гуси пролетели,
Впитался снег в дорогу из песка,
В болотах очертанья засинели,
На севера опять пришла весна.

Самый первый одуванчик в овраге зажелтел,
Глина в огороде запеклась бронёй.
Я, похоже, много не успел,
Но настало время говорить с собой.

Толь на крыше за зиму скукожилась,
Кривой и ржавый гвоздь головой склонился.
От того и сердце растревожилось,
Что на краю земли я голытьбой родился.

Фиолетовые брызги петушков,
В кочке трясогузка на гнездо садится.
Здесь я просыпался от утренних звонков
И этому всему вернулся поклониться.

Семиструнка старая валялась на завалинке,
Соседка тётя Фрося ругалась из окна,
Застиранная майка да катаные валенки —
Совсем не поэтична Родина моя.

Я напишу психологическую драму
О правилах и нравах барачного двора,
О кандалных странствиях, про долговую яму,
И как нескладно и с надрывом звонят в колокола.

Бирюзовый

1 куплет

Наутро дождь осенний переходит в снег,
А в её глазах весенний свет играет.
Эта фея много в жизни понимает
И, как может, нам, заблудшим, помогает.

Припев

Уже недалеко закат багровый,
И может я придумал эту фею,
Но я ещё надеюсь, что успею,
Потому что цвет мой – бирюзовый.

2 куплет

А воздушных замков сколько ни разрушь,
Они через руины цветами прорастают.

Верные всегда своё возьмут,
А не любят те, кто не поют.

3 куплет

Лебеди кричали, как будто бы просили:
Дотяните как-то до весны.
Нет, на вас нет никакой вины,
И вы берегите себя, пацаны.

4 куплет

Скользили будни по листам календаря,
А из тягучей музыки осеннего дождя
Давно уже забытые слышу голоса.
Не спеши похоронить себя.

Но пришёл бестелесный дух
И его унёс на руках.
Верность не обсуждается вслух,
Но живёт даже в мёртвых сердцах.

Весна

Грозы в небе отыграют, отзвонят дожди,
Лопнут на берёзке коричневые почки,
На буграх прогретых зацвели цветы,
А на вербе уже первые листочки.

А на синем небе – облако барашком,
А на деревьях колгота грачей.
Да спор ручьёв, бегущих по овражкам,
Кто из них прозрачней и ловчей.

Праздничную музыку звонят в колокола,
И всё живое солнцем золотилось.
А душа совсем раздета догола,
Она как будто заново родилась.

Песнопения разносит лёгкий ветерок,
И то, что есть у нас, ничем не подменить,
Ведь над свечой Пасхальной не гаснет огонёк,
И душа готова верить и любить.

Обнимитесь крепко, поцелуйтесь жарко,
Всё на свете будет хорошо:
Каждый будет удостоен своего подарка,
И все друг другу улыбнутся широко.

И не будет как-то по-другому,
Когда мы станем до конца осознавать,
Что мы все – братья по небу голубому,
И должны во всем друг друга понимать.

Высшая мера

Это не юность коварно сбежала,
Я сам, гордо приосанившись, ушёл.
А она сидела на крылечке и молчала,
Глазки вытирая о ситцевый подол.

Я в никуда ушёл, не обернувшись.
Откуда мне дано было узнать,
Что однажды, в темноте очнувшись,
Её, как избавленье, буду звать?

Божия коровка на узенькой ладошке,
И на ресницах васильковая роса.
Да ещё бы песня на гармошке,
И мне другая воля не нужна.

Юность моя огородная,
И латка на латку шьётся до слез.
Это земля моя родная,
Я клятву ей в сердце принес.

Прости меня юность, что рвался куда-то,
За что сохранил, и чего не сберег.
Прости, что меня изменила утрата,
Которую не превозмог.

Юность, поцелуй меня во сне,
Мальчишку с поседевшей головой,
Он из капкана времени кланяется тебе
Как высшей мере человечности Земной.

Готов

Ты уже готов спросить себя,
О чём рассказ Тургенева «Муму»;
А может, мир давно сошёл с ума
И, стоя на карачках, воеет на луну?

Телами друг на друга наползают
И в собственный колодец радостно плюют,
Друг с друга что-нибудь всё время получают,
И собственных детей в приюты раздают.

Будут шконки лагерные строиться,
И придут себе подобных за идею убивать,
А позже в очередь построятся,
Чтобы ту же самую идею заплевать.

Собака зло ощерится, если её пнуть,
А калеку принуждают выполнить кульбит.
Наверно, это просто нагоняют жуть,
Но он от страха и бессилия смолчит.

На площадях в кострах ведьмы догорают,
Кто-то откупился, что во спасенье врёт.
Одни души мёртвые скупают,
А кто-то жертву на убой везёт.

Ты уже готов спросить себя,
Что точно знаешь, куда надо повернуть,
И что помнишь про ту «меру серебра»,
Которая и есть проклятая «суть»?

СМЫСЛ

Муха не всегда выбирает мёд,
И вроде, что и курица – не птица,
И пчела не залетит в закрытый рот,
Даже если сильно разозлится.

Вокруг Земли вращается Луна
И тянет за собой отливы и приливы,
Заглядывает в окна и в глаза,
Хочет разобраться, насколько мы счастливы.

Дырявое ведро висело на заборе,
В нём поселилась горстка воробьёв.
Бывает, плачет победивший в споре,
Поняв, что заблудился в смысле слов.

Для тех, которые приходят убивать,
Жизнь законы по-особому включает,
И тех, кто не умеет жалеть и сострадать,
От демонов ничем не отличает.

Старушка плачет, помолившись над могилкой,
Ей страшно, что творится с человеком.
И пусть правда никогда не станет силой,
Придётся жить и подавать калекам.

Не бывает истины простой.
Жизнь, она из камня возродится,
Окропится всё живой водой,
И темнота в рассвете растворится.

Жизнь

До некоторых пор жизнь только отдаёт:
Греет, кормит, учит, охраняет,
Но однажды день такой придёт,
Когда она свой счёт тебе предъявит.

И никто от этого не будет защищён,
А там всего один простой вопрос,
Один и тот же с незапамятных времён —
Для чего ты на Земле живёшь?

Он будет одинаково конкретным
Для всех, без исключения, людей,
А особо показательно-предметным —
Для нищих попрошайек и царей.

Нас изводили страхи и хворобы,
А мы гуляли – только развяжись!
И клятвы приносили для собственной утробы,
И это тоже называли жизнь.

А жизнь заставит заглянуть в себя:
Что просто разбазарил, а что сумел собрать,
И сколько время промотал зазря,
И что теперь намерен отдавать?

Жизнь нельзя ни завещать, ни подарить,
И она сумеет каждому воздать.
Её нельзя ни подменить, ни повторить,
И только камни за собой осталось собирать.

Закуска

Закажу в китайском ресторане
Фирменную утку по-пекински.
И пусть у повара дракон на сарафане,
Я водку разолью по-сахалински.

Хорошо сидеть под опахалом,
Когда кухня иноземная – острая и вкусная,
И пусть мнение моё прозвучит скандалом,
Но нет закуски лучше, чем кета семужная.

Это там, где чайка прокричала:
– Мир большой, иди в него смелей!
И юность вслед рукою помахала.
Ничего никто не выпорит у Родины моей.

Изломанные морем берега,
Песчаные обрывы и брусничные кусты.
Здесь серым пеплом отливается вода
Откуда-то из самой глубины.

Двое из Сибири по груздям страдали,
А другу с Украины жизни нет без сала.
Все без ложной скромности о своём мечтали,
А утка по-пекински на столе скучала.

Надо помолиться за волю и терпение,
Когда реальность злобна и капризна.
Наступит день всеобщего смирения,
И накормит всех иконописная Отчизна.

В бокал с шампанским капнула слеза,
Пытается скрипач с ноты не сорваться,
В мутный шум сливались голоса,
И невозможно было в лицах разобраться.

Не затоптать

Хочу, чтобы была поздняя весна,
Уже пройдут дожди и половодья,
Из земли пробьётся зелёная трава,
И карась зайдёт на мелководье.

Потихоньку уже мошки появляются,
Лепят ласточки уютное гнездо,
А яблони в саду друг другу улыбаются,
И кажется, что утро и вечер заодно.

Одинаково тепло в рассвете и в закате,
Одна и та же парфюмерия в воздухе висит,
И всё купается в этом аромате,
И, взлетая, цапля крыльями шуршит.

В туман распарашютились ромашки,
И их глотает изумрудная трава,
А на сирени закудрявились кудряшки —
Вот это всё и есть природа естества.

Пташки и цветочки нам могут указать,
Как найти дорогу к естеству,
Как друга верного искренней обнять,
И как быть самим собой во сне и наяву.

Надо очень нежно в этот мир входить,
Чтобы ту поэзию хоть слегка понять,
Но, когда придёшь благодарить,
Опасайся что-нибудь случайно затоптать.

Не хочу

Разговоры ни о чём хлопают, как слякоть,
Мысли сонные плывут в ватных берегах.
Впору бы напиться да поплакать,
В тоске о не замоленных грехах.

Возьмите меня в подмастерья
К тем, что своды держат на плечах,
Только пусть исполнятся поверья,
Которые написаны в стихах.

Не хочу сидеть за тем столом,
Где за погибших будут рифмой говорить
И рассуждать, как о деянии святом,
Что мы весь мир сумеем победить.

Не лучше ли покаяться в смирении
За мёртвых и пока ещё живых,
И перестать жить в страхе и в смятении,
Разделяя людей на своих и чужих.

У людского рода один лишь общий враг,
Который всё добро до тени разлагает,
И, сердце погружая в полумрак,
Растлеывает души и разум отнимает.

Слепому укажите путь до родника
И в кровавой жиже не дайте замараться.
Застынут в ожиданьи города,
И наступит время дома прибираться.

Сограждане

По аллеям топчут тополиный пух,
Цветочные клумбы стоят, как торты.
Я этот день воспринимаю на запах и слух,
Вопреки городской суеты.

Над проезжей частью бабочка летает,
Голуби клюют бабушкины крошки.
Жизнь, на удивление, всё это совмещает —
Ревущие машины и «мяу» чёрной кошки.

На сирени пчёлки с лапками цветными,
Шмель на абрикосе заносчиво жужжал.
Он по сторонам стрелял глазами золотыми,
Чем маленькую девочку сильно напугал.

В запахе травы – покой и благодать,
Он может просто так омолодить.
Там юного кузнечика учат стрекотать,
Здесь каждый шорох может удивить.

На перекрёстке – светофор и колгота,
А воробьи у остановки промышляют:
Они клянчат семечки у деда-чудака
И всех своим «настырством» развлекают.

У нас на всех – одно гражданство,
А в городах у них свои затишки и углы.
У нас одно и то же время и пространство,
И если они рядом, то значит, мы живы.

Станут

Отпустите на волю птиц,
Пусть летят они в дальнюю синь,
Откуда смотрит тысяча лиц
И я им крикну свое «Аминь»!

Глаз орла светит янтарным цветом,
Я от того и поверил в тебя,
Что Солнце приходит с рассветом
И горит на цветах роса.

Я греюсь возле этого тепла
Без стеснений и лишней учтивости.
Я поэму напишу для тебя,
Даже если у всех стану в немилости.

Я по узенькой кромке иду,
Держа тебя за обе руки.
Я тем самым светом подсветил судьбу,
Растрев в труху все наветы и слухи.

Зима и лето друг друга рифмуют,
А осень с весной друг друга жалеют.
Нас потому и ревнуют,
Что сами мечтать не умеют.

Пусть не будет страхов и войны,
И жёлтые цвета станут золотыми,
Прозящие и страждущие будут прощены,
А старики вдруг станут молодыми!

Суждено

На утреннем ветру рассеялся туман,
Сороки на заборе горлопанят,
Мелькает по проулку цветастый сарафан,
И запахи дворовые дурманят.

Сложили георгины бутоны на пионы,
С них капает хрустальная роса,
Они совсем легонько позолочены
И источают ароматы из себя.

На венчик красной маковой головки
Села голубая стрекоза.
Музыка природы без аранжировки
Всегда всепоглощающе чиста.

Собака жмётся преданно к ноге,
Она стареет так же, как и я.
У неё лишь серебринки на спине,
А у меня уже седая голова.

Мы, возможно, себя сами разрушали
И будем обязательно истленны,
Но мы ведь тоже и любили, и страдали,
Потому, как и природа, должны быть несомненны.

Опять мелькнул цветастый сарафан,
А если нам другое суждено,
А что я чувствую, то всё самообман,
А нас природа прокляла давно?

Счастье

Это всем известно, что счастье не в деньгах,
Но все это хотят проверить на себе:
А может это кто-нибудь придумал впопыхах,
Что счастье кроется в душевной простоте.

Всегда было огромным искушением
Для всех, которым счастья не хватало,
Надёжным заручиться откровением,
Чтобы счастье только прибывало.

Сколько себя ни накручивай,
Личное счастье всегда субъективное.
А сколько бодрых маршей ни разучивай,
Счастье коллективное всегда демонстративное.

А семейное счастье всегда нормативное,
Оттого, что оно обязует.
А вечное счастье, конечно, фиктивное,
Потому что не существует.

Есть одно реально счастье достижимое,
Которое останется с тобою и в зное, и в ненастье,
Оно не заменимо и невосполнимо —
Это неподдельное родительское счастье.

Даже крохами умеете поделиться,
И вы обязаны верить и любить,
И за друзей, и за врагов молиться,
Если поимели счастье жить.

Туманы

Я не хотел остановить мгновенья,
Мне хотелось просто покоя,
Когда остались только страхи и сомненья,
Как после очень злого перепоя.

А на похмелье – за окном холодная весна,
Нам в ней места не хватило для двоих.
Где-то уже год идёт война,
Она разделила людей на врагов и своих.

Туман густой и лицемерный
Грунтует город серой размазнёй,
Вот такой порядок интерьерный
Разделяет нас между собой.

Капели в свои сроки отзвенели,
Но чародеи нам туманов понаслали,
Потому на вербах серёжки не прозрели,
И мы с тобой друг друга совсем не понимали.

Всё очень зябко и безветренно,
Как будто чародеи ждут преподношения,
А то, что иллюзорно и болезненно,
Так это наши с тобой отношения.

Но как бы мы черту не перешли,
Когда не оживляют сухоцвета
Ни проливные тёплые дожди,
Ни вдохновенье солнечного лета.

Привал

Даже если в жизни дорога не прямая,
Должен быть привал на страстном пути,
Где горло продерёт водица ключевая,
И прямо на обочине – рыжие цветы.

Где рябиновое дерево в красных эполетах,
И на молоденькой берёзке золотой мундир.
Они сегодня в уникальных раритетах
Вышли показаться на весь мир.

Две птички-невелички пьют из родничка,
Мизерно волнуя зеркало живое,
А из-под листика торчала голова сморчка,
И он похож на мини-чудище лесное.

Серенькая мышка двигает усами,
Верно, хочет запугать спящую сову,
А конопатая саранка, как кувшин с медами,
Подманила попрыгунью-стрекозу.

И тут во всем своя дорожка звуковая,
Но её мало кто умеет ощутить:
Она, выдохи и вдохи заплетая,
Умеет напрямую с душою говорить.

И вот моя минута истекла,
И мне надо подниматься и идти,
И я скажу всему живому, что вокруг меня:
Спасибо за коротенький привал
на страстном пути!

Пристенок

Мою маму в школу вызывали,
Когда я анекдот про Лёню рассказал,
И почему-то извиняться принуждали,
Когда историка Лаврентием назвал.

Как солнце каждый день на небеса восходит,
Так неприкасаем главный из вельмож.
А историк наш пьёт и колобродит,
Хотя до неприличия на Берию похож.

Я в пристенок выиграл два рубля,
И мы с другом в пирожковой шикавали,
А с пачки «Примы» ископчённой втихаря
В изнеможении за школой отрыгали.

Я под парту прячу порванный рукав,
А её банты – как облако тумана.
Я почему-то рядом с ней всегда не прав,
Хотя не рыцарь из её романа.

Ей записки пишет школьный активист —
Красивый, правильный и твёрдый,
В местном ВИА соло-гитарист,
Всегда по-комсомольски подтянутый и бодрый.

Самая безродная птица – воробей —
Повидло выедает из крошек пирожка.
Я бы хоть куда побежал за ней,
Лишь бы не предать самого себя.

РЫЖИМ

У рыжего всегда побольше шансов
Быть уличённым во злодействе,
А на весах социальных балансов
В дополнение к этому – ещё и в плебействе.

Рыжая лиса – известная плутовка,
Самая хитрющая и самая спесивая,
К этому ещё и шkodная воровка,
Но как это ни странно – самая красивая.

У ленивого пройдохи, рыжего кота,
Который тоже не побрезгует обманом,
Волшебно-яркие зелёные глаза,
И он себя считает добрым талисманом.

Когда-то рыжий хитростью пробрался на ковчег,
И, наверное, потому коварный и бесстыжий.
Ну и как бы даже снежный человек
На самом деле очень даже рыжий.

В каждом мнении всегда свои оттенки,
А в городском фольклоре – чижики и пыжики,
Но мы-то знаем, где дадим свои оценки:
Нет закуски лучше, чем родные рыжики.

В чужом гнезде прижился кукушонок,
Играет задушевно сельская гармонь,
А рыжая бабёнка игрива, как котёнок,
Её за что ни тронь, везде горит огонь.

Сирень

Если сирень у дороги живёт,
Её, ещё не расцветшую, варварски рвут.
И большинство из тех, кто мимо не пройдёт,
Себя душами влюблёнными зовут.

Не принимайте наломанных веток:
В них нет желанного чувства.
Ведь это совсем не коробка конфеток,
Это – демонстрация кощунства.

Сирень не распускается в стакане,
Она стоит и заживо гниёт,
И как украденный ребёнок в цыганском балагане,
И днём, и ночью мать свою зовёт.

Если вам не страшно что-то искалечить,
Значит вы давно уже в беде,
Надо как-нибудь себя очеловечить,
Чтобы жить в духовной чистоте.

Хорошо бы всё заранее предвидеть
И думать о последствиях всего,
Понимать, где полюбить, знать, где ненавидеть,
И помнить – в жизни мало своего.

Может, кто-то с чем-то примирился,
Не понимая, где его последний вздох.
А куст, который до конца не распустился
Под весенним солнцем навсегда засох.

Помяните

Страшная болезнь у маленького Сенечки,
Он глазками просящими глядит вокруг себя:
Тётеньки и дяденьки, скиньтесь по копейке,
За просто так в больнице не лечат доктора.

Он уже давно в страшных болях корчится,
И все ждут, когда ребёнку смерть глаза закроет,
А маленькое сердце назло всему колотится,
И старушка-санитарка водичкой тайно поит.

Он уже ручонку не может приподнять,
И только глазки сильно хотят жить,
А тех, кто его бросил умирать,
Его душа безгрешная силится простить.

Он закроет глазки навсегда
Зимней ночью при свечном огарке.
За окном завоет лютая зима,
А он по-детски улыбнётся старушке-санитарке.

Сенечку сожгут с кучею тряпья
И рассыпят пепел вдоль забора,
А кругом заплёванная, грязная земля
В цвет национального позора.

Пусть, кто хочет, бросит в меня камни,
И мимо пронесут тосты и подарки,
Пусть передо мной закроются все ставни —
Я буду руки целовать старушке-санитарке.

Холодно

Хорошие мысли холод разгоняет,
Худенькая девочка мёрзнет на крыльце.
Она кого-то явно поджидает,
Пытаясь исполнять гордыню на лице.

Вонюче выдыхают выхлопные трубы,
На перекрёстке красным светит светофор.
А у девочки уже синеют губы,
Тут со сроком ожидания – серьёзный перебор.

Норд-ост стучится в синий щит рекламный,
А она стоит в коротеньком пальтишке.
Тот всегда останется бесправным,
Кто о свиданиях знает понаслышке.

Уже никто, конечно, не придёт,
И жалко это бедное создание,
Которое надеется и ждёт
В своей жизни первое свидание.

Она только к ночи отогрелась
Под тонким одеяльцем полумрака,
А то, что плакалось, и то, что натерпелось,
Было розыгрышем мальчика с филфака.

Стопари по сопке – как лава по вулкану,
Трудно в темноте кого-нибудь искать.
Сегодня очень весело студенту-интригану,
Что чью-то душу получилось растоптать.

Часть II. Умеют

Умеют

Она занималась пилатесом,
Подтягивая попку к форме абрикоса,
Была рядом с пятизвёздным статусом
И пила коктейли из молока кокоса.

А беби-бой крутился у шеста,
Он в «коблах» золотых танцевал стриптиз,
А попка у него, как персик, налита
И трепетно готова на любой каприз.

Когда они вдвоём на пляже раздевались,
И в одной вазе были персик с абрикосом,
Все вокруг слюнями обливались —
Такие фрукты пользовались спросом.

В сторонке нервно курят звёзды Голливуда,
И разогнали всех танцовщиц в Мулен Руже:
Ни у кого не получалась такая амплитуда,
В сравнении с ними все казались неуклюжи.

У неё были свои щедрые клиенты,

А у него – свои богатенькие «папики»,
И всюду комплименты и презенты
И по следам бегущие фанатики.

А вокруг друг другу говорят,
Что такие просто жить умеют.
А те, что отвернулись и молчат,
Отчего-то словно школьники краснеют.

Ешь

«Ты – то, что ты ешь» выдал Гиппократ.
Лекарь и философ ясно возвестил,
В чём живёт живое, а в чём уживается яд,
Но почему-то главное он скрыл.

И под влиянием этой доктрины
И с пристальным коммерческим вниманием
Мы сами на себя расставили капканы
И гордо хвалимся хорошим воспитанием.

Одни сеют, жнут и выпекают,
И урожай в смирении ждут,
А есть, которые крадут и убивают,
Но те и те плоды домой несут.

Кому-то всё равно, кто и где кричит
И на какие деньги еды накупили.
Их голод очень страшит,
И глубоко плевать, чем накормили.

Если грязными деньгами расплатишься,
То там, что не доешь, что переешь,
Всё равно никуда не спрячешься
И будешь «тем, что ты ешь».

А если вдруг решили малыша родить
И хотите, чтобы Бог ему воздал,
Решите для себя, с чего он начнёт жить,
И помните, что древний грек недосказал.

Голод

Он туда заплыл в партийных списках,
Запутав всех слащавыми речами,
Но, показав себя в подлогах и приписках,
Был востребован всеми сторонами.

А когда-то был завскладом в магазине,
Считал печеньки и, что льётся,
 брался разбавлять,
И вот в избранники пролез на вазелине,
Чтобы интересы граждан защищать.

Он был хитёр и очень изворотлив,
В любых одеждах себя чувствовал уверенно.
В быту развратен, а в делах расчётлив,
И вокруг себя гадил преднамеренно.

Он ловко чем угодно торговал,
И у него все получалось «в аккурат»,
Когда по-мелкому с бюджета воровал.
Вот таким был наш районный депутат.

Ему нравилось мандатом щеголять,
Где что-то можно отхватить по дешевизне,
Но струхнула старая цыганка погадать,
Что-то усмотрев в линии той жизни.

У нас беда случилась в зоопарке,
Из вольера тигр голодный убежал,
А там наш депутат гулял по контрамарке,
И уссурийский зверь его на части разорвал.

В кино

Она была стройная и милая,
Но в голове её пристроился фигляр.
Она была избыточно игривая,
А он – тот ещё из себя экземпляр.

Она была мечтательной натурой,
А он – неисправимым гордецом.
Для неё питанье было строгой партитурой,
А он пил на завтрак только кофе с коньяком.

У них весной Париж, а летом – Ницца,
Он подносил ей тысячи цветов.
Это вам не в кулаке синица —
Пляжи белоснежные Гавайских островов.

Он одевался только в белый смокинг
И был жилистым, как Жан-Поль Бельмондо.
У неё не очень получался шопинг,
Но очень нравилось французское кино.

Она умела красочно и сочно фантазировать,
А была училкой географии.
И у неё отлично получалось иллюстрировать
Страницы ей же сочинённой биографии.

Мир иллюзий – это тоже мир,
Он, под настроение, тот или иной,
Но там может тоже всё затертое до дыр,
И будет трудно быть самим собой.

В кустах

Они имеют под себя темы и задачи
И тянут их смиренно изо дня на день:
Кому-то в магазине не додали сдачи,
А кого-то запугала собственная тень.

За благо лень и трусость принимая,
Они ладятся всё видеть наизнанку.
А на ночь беспокойно засыпая,
Надеются, что встанут спозаранку.

Кот нассал в соседские ботинки,
И загнуло флюгер на ветру,
На солнце подсыхают щучьи спинки —
С пивом пожевать в самую жару.

Тут никакие перемены не нужны,
У них от непогод и разных смут
Всегда готовы нужные кусты,
Они там что угодно переждут.

Им всё равно, кто прав, а кто не прав,
Важно, чтобы сам был бодрый и здоровый.
У них выверенный временем устав
И ко всему подход морально-образцовый.

В кадке пыльный пожелтевший фикус,
А по носу размазан вазелин,
И такой бывает в жизни прикус,
Когда не хочешь жить как гражданин.

Водка

Спорили Стандарт с Оригиналом,
Кто из них помягче и сытнее,
Кто является классическим лекалом,
И у кого название умнее.

Стандарт сто раз по качеству прошаренный,
И ГОСТы для него – почти закон.
Возится и чешется, как пчёлами нажаленный,
Его будни жмут со всех сторон.

У Оригинала дела тоже не халва.
Потому его зовут Оригинал,
Что он должен быть сегодня лучше, чем вчера,
И он сам теперь от этого страдал.

Вот так они и говорили про скорбные дела,
И с мыслями, кого в народе предпочтут,
В то же время каждый помнил для себя,
Что где-то рядом есть ещё и Абсолют.

Всё это – напитки на этиловом спирту,
Они в нас сотворяли веселья и печали,
Они под сало, грузди и зернистую икру
Своё очарованье раскрывали.

А кто будет нежелательным продуктом:
Стандарт, Оригинал или Абсолют,
Известно станет только ранним утром,
Кто похмельем не оглушит, того и предпочтут.

Возвращайтесь

Как ещё лечить свои невроты,
Чем своей утробе угодить?
А попробуйте в крещенские морозы
В лес пойти и птичек покормить.

Все месяцы на Родине холодные,
Вы валяетесь на тайских берегах.
Там вокруг булки загорелые и сдобные,
Да вы уже и сами не совсем в трусах.

Песчаную блоху и черное яйцо,
А под них – соусы, заправки и трава.
К этому подмажут птичье дерьмо
И прямо на тележке доставят до тебя.

Никуда не спрячешься от местных колоритов:
Когда коктейли набуторят из жёлтых ананасов,
Будет шоу из местных трансвеститов
Для наехавших голодных пидорасов.

Марево ночное ползёт по океану,
А небо раскаляется от грохота и света.
Всё, что дышит, погружается в нирвану
Под бесконечный, дикий вой кордебалета.

Возвращайтесь по своим дворам,
Братики родные и милые сестрички.
Вас тут всех узнают по следам,
И уже заждались замёрзшие синички.

«Вот-Вот»

Мы поступать пытаемся чего-то относительно,
И не будем делать, как делают они:
Для них, возможно, это позволительно,
А для нас – «Ни-ни».

У них всегда хорошие дела,
А нам плохая карта выпала вчерась,
И пришли лихие времена.
А вот у них всегда «Вась-вась».

Они плели узоры в Куршевеле,
А наших загоняли под суды.
Они поддакивать и гнуться не хотели,
А у тех везде «Туды-сюды».

Кому достались мухи в сортирах пересыльных,
А им на Пальма-де-Майорке ласковый прибор,
И кофе на верандах в имениях фамильных,
Где ничего не ведают, что значит «Ой-ёй-ёй».

Оказалось, что немногие поняли,
Какой был сделан выбор в романе «Идиот»,
Где за что перевозносили, за то и угнетали,
А вдруг чего не ждёшь – оно уже «Вот-вот».

А для «Ни-ни», «Вась-вась»,
«Туды-сюды» и «Ой-ёй-ёй»
«Вот-вот» песню заунывную споют,
И не будет больше ласковым прибором,
И лакеи кофе мимо пронесут.

Выбор

У музыкантов уличных руки всегда заняты,
И потому им медяки кидают в шляпу.
Они тут сами по себе, никем не наняты,
И работают с душой за свою зарплату.

И если в подземелье перехода
Мир покажется уютней и теплей,
И вы вдруг затоскуете
по собственной свободе,
Это значит, там играют Yesterday.

На семиструнке в дальней подворотне,
Куда ходят только алкаши,
Кто-то утверждал из местной «блотни»,
Что «в жизни были одни миражи».

Ему нальют портвейна «Три семёрки»,
И он споёт «про счётчик, про такси».
Вот это мы и есть, от слёз до хлебной корки,
И нам другого не придумают пути.

Мы друг другу сядем на закорки
И сплавимся в один железный ком.
У нас на всех – общие задворки,
А нашим душам привычней нагишом.

И пускай проглотят своё мнение,
Что у нас кому-то всё равно:
Нам неведомы ни страхи, ни сомнения,
И мы своё уж выбрали давно.

Государственники

Есть секреты очень важные —
 так они национальные,
И гостайной называются.
А есть бытовые, они сугубо персональные
И от государственных очень отличаются.

Государство в мире строит паритет
И завалы разгребает на мировой арене,
А тут судятся за качество котлет,
И кого-то уличают в супружеской измене.

Государство строит стратегические планы,
И оно не сделает осечку.
Всё продумали наши атаманы,
И стыдно возмущаться ценами на гречку.

Государство в космосе летает,
Строит нефтепроводы и исправляет перекосы,
Реакторы ураном заправляет,
А ему – какие-то смешные жилищные вопросы.

Государство – сложный механизм,
И надо посочувствовать тем, кто у руля,
А чтоб они не впали в мистицизм,
Не надо их тревожить и отвлекать зазря.

Оно само себя имеет и от самого себя рождает,
Самого себя жалеет и ничего о вас не знает,
Но чтобы как-то перестраховаться,
Родиной берётся называться.

Два Оно

Что только не вредило нашему здоровью,
Что только нас не разрушало.
Были даже, кто питались нашей кровью,
Но, кажется, что жизнь не всех их наказала.

Она свои рецепты предлагала:
Что для нас вкуснее, то нам и вредило.
Может быть, кому-то это помогало,
Когда всё, к чему тянуло, боком выходило.

Хотелось бы подольше о вредном рассуждать:
Лучше быть голодным или переесть,
И стоит ли условности до буквы соблюдать,
А может быть, без приглашения присесть?

Что вреднее – сразу правду рассказать,
Всё, от слов до интонаций, не тая,
Или надо до конца в себе держать,
Как шансы защитить самого себя?

Надо разучиться кого-то узнавать,
И вредно – дать себя уговорить:
Как можно будет что-то угадать,
Когда страшно – проиграть и вредно – победить?

Страшное и вредное рядышком живут,
Этих двух Оно никак не разлучить,
Они в одной лодочке вёслами гребут
И смыслу здравому умеют возразить.

Доверие

Пришло время, когда выгода доверие изгнала,
А людям было как-то всё равно.
Его тогда осталось совсем мало,
И вот теперь оно совсем ушло.

Теперь оно в глуши неведомой живёт,
В хижине без окон и дверей.
Всё ждёт, что его кто-то позовёт,
И тихо умирает без людей.

А люди и не поняли, что что-то потеряли,
Они в стремленье выгоду извлечь
Друг друга за гроши перекупали,
Чтоб больше откусить и приберечь.

Ушло доверие, и кончилось людское,
Возвышенная низость, поруганная честь.
И всё вокруг мертвецки-восковое,
И лакированных гробов не перечсть.

Найдите, приползите на голяшках,
Верните это счастье для детей,
И всё уйдёт, что было в полумасках,
И будет жизнь без страхов и теней.

Часто хочется побольше получить,
Того, что уже есть, порой бывает мало,
Но в жизни много можно изменить,
Лишь бы нам на всё доверия хватало.

Загоны

Меня утром разбудил звонок утробный:
Какой-то неизвестный что-то в уши тёр.
Голос был недобрый, но и не очень злобный,
Но плохо получился разговор.

Не хватило сил для диалога:
Вчера не стали водку покупать,
А от кислого шампанского жуткая изжога,
Но захотелось один раз пошиковать.

Банные загоны хорошим не кончаются,
А тут ещё и барышень продажных завезли.
А когда жопы уже в лица превращаются,
Тогда уже по-настоящему зажгли.

Смутно помню, что меня настырно зажимала
Толстая, крикливая хабалка.
Она руками из тарелок колбасу таскала
И воняла, как венки из катафалка.

Её хватал за ляжки прокурор,
Но сломался и слюняво захрапел.
И я попал под этот целлюлитный форс-мажор,
Но уже сам не кукарекал и не пел.

Тот голос мне ещё раз позвонил:
Вроде я на той хабалке жениться обещал,
И её муж теперь настойчиво просил,
Чтобы я про обещанье не забыл.

Зараза

Грибок, надёжно проживающий в ботинке,
Потребляет плоть, испорожня нечистоты.
Он особо злобный на этапной пересылке,
Где в одном углу блатные, а в другом – задроты.

Он нежно каждого готов поцеловать
В грязной бане и врачебной показухе.
Он все способен масти уравнивать
В общей матерной и злобной почесухе.

Не каждый сможет круг нарисовать,
Как бурсак-философ Хома Брут,
Но каждый хочет в своей роли выживать
И в одиночку победить кровавый зуд.

Нельзя восстать и ничего не потерять,
Как нельзя решётку перегрызть зубами,
Когда многих с малолетства успели замарать
В клятвах перед красными мощами.

Наверно, только грязная чесотка
Нам на всех одна досталась страсть,
Перед друг другом показуха, похуизм и водка,
И кто знает, как зовётся эта масть?

От грибка, живущего в ботинке,
От пересыльной жизни косоглазой,
Откуда-то оттуда топчутся тропинки
К чаше Сатаны с ядерной проказой.

Злословие

Кто-то от кого-то что-то услышал,
А там где услышали, ещё подмалевали,
А следующий и это переврал,
И всей толпой кому-то в душу наплевали.

От нехороших домыслов и слов
Реальность распадается на части,
А смакование придуманных грехов
Превращается в болезненные страсти.

Недолго розы в вазе простояли,
Немного было ясности в словах,
Но ни те, ни эти главного не знали,
И потому зудились, как прикус на губах.

Мгновения зари в малиновой канве
Расцветают над далеким горизонтом.
Вы кланяйтесь природе-госпоже,
Но голосами сильно не трезвоньте.

Всё сокровенное из тишины придёт
Без ухмылок, щегольства и показухи,
Оно скажет своё слово и спасёт
Тех, кого порвали на сплетни и на слухи.

Бытовая сплетня или наговор
Вовсе не считается просто пустословием,
И потому себе не стряпай приговор
За то, что называется злословием.

Когда-нибудь

Нам внушали, что наш мир во всем надёжный,
А оказалось, он висел на хилой паутине,
Где человек раздетый и голодный
Пасся, уподобленный скотине.

Зазвучала тризна на весь белый свет
С большими похоронными венками,
И, конечно, – пышный траурный обед,
Но никто не заливался горькими слезами.

Не было прощального салюта,
Просто посрывали красные флаги
И рванули вниз без парашюта,
Полные надежды и отваги.

И хохотали те, кто жирно откусили,
Пока гиены грызлись с серыми волками,
Но и демократам жирно отломили,
А, как известно, после драки не машут кулаками.

А то, что называется «народ»,
Он снова хочет уподобиться скоту
И готов крепиться, подтянув живот,
И, наконец, разбогатеть в каком-нибудь году.

Раньше ждали коммунизм,

А сейчас «когда-нибудь».

В тех самых ожиданиях рождается вождизм,

И цветёт бюрократическая жуть.

Конфетка

Она суперэротична в мини-юбке,
На высоких тонких каблуках,
Когда песни пели её крашенные губки,
И взгляд гулял где-то в облаках.

Когда она по улице фланирует
Галсами, как кобра по песку,
Она вроде миллионы инвестирует
В дорогую сексуальную игру.

Её видят те, кто пишут мемуары
О правильности выбора и мудрости житейской.
Усатые – усы топорщат, как гусары,
И кривляются с улыбочкой лакейской.

Полный пафос у неё со всех сторон,
И он шевелится согласно расписания,
Отчего в кровях бурлит тестостерон,
Горячей слизью изливаясь в подсознания.

Пучат глазки с «Жигулей», тормозит «Мерседес»
И с огромного «Линкольна» хотят поговорить:
Им бы хоть понюхать тот деликатес,
И хватило бы себе потеревить.

Мужская часть вибрирует, женскую нервируя,
А она родилась, чтобы быть кокеткой.
Честно говорю, ни грамма не бравируя,
Как рядом выживать с такой конфеткой?

Многоточие

Не ставьте запятые после многоточия,
Не беритесь недосказанность унять.
Никому ещё не дали полномочия,
Что можно за кого-то досказать.

Пусть в недосказанности тайна сохранится,
Став с небесной воли притчей во языцех,
И, если выслушав её, кто-то покрестится,
То заблестят глаза на просветлённых лицах.

Вот оно – твоё, а вот оно – чужое,
И его не надо подтягивать к себе.
Дитя родится злое и косое
В захватанной и липкой скорлупе.

Не берись досказывать и за кого-нибудь дожить,
Даже если просят за кого-то додышать.
Жизненное правило старайся заучить,
Что если будешь брать – придётся возвращать.

Не пробуйте на вкус чужие слёзы,
Оставив эти фразы за собой.
Бессмысленны и жалки чьи-либо угрозы
И показательные разговоры за спиной.

А хвалят почти все наперебой,
И им, похоже, нравится этот маскарад.
Пусть не будет точки после запятой,
Танцует в мини-юбке плагиат.

Мораль

Будьте готовы в любой ситуации
Уметь держать себя в руках,
Тогда и будет нужная реакция,
И появится решение в мозгах.

Кому-то не понравилось ваше поведение?
Вы куда надо анонимку напишите,
Но, как бы проявляя снисхождение,
При встрече долго за руку трясите.

У обидчиков не надо испрашивать причину,
И не надо нервничать и злиться,
А плюньте ему радостно на спину,
И при этом пусть публично извинится.

Если вас гиеной обозвали,
Надо мило улыбаться и молчать,
Но если вас сегодня оскорбляли,
Завтра не забудьте киллера нанять.

А если вдруг на повороте обошли,
Сделайте смиренное лицо,
Но тех, которые до финиша дошли,
Прокляните всех до одного.

Где то потерялись последний стыд и срам,
И бессовестно заплёвана печаль,
Но я точно скажу вам, что бывает
И такая высокая культура и мораль.

Мурло

Мимоходом растоптали птичье гнездо,
Помешали птенчики какому-то циклопу.
Это бродит по селу пьяное мурло
И ищет приключения на жопу.

Он у школы с семиклассницы пытался снять трусы,
Но она орала так, что собаки кинулись кусаться,
А её надо было допереть до лесополосы,
Чтобы вдоволь в папу-маму наиграться.

Он поозирался возле школы похотливо
И потащился попить кровушки в сельмаг.
К нему здесь относились очень терпеливо,
Но водку не хотели давать за просто так.

У него был папа – местный полицмейстер,
И с ним пытались просто не общаться,
А он лип ко всем, как кислый клейстер,
И старался с каждым встречным поругаться.

Он на выпасе к племенному быку прилупился
И пытался сапогами запинать,
А тот до дыма с ноздрей разозлился
И до смерти сумел мурло забодать.

Всё село показушно ревело взахлёб,
И папа настоял свести быка на скотобойню.
А семиклассница втихую плюнула на гроб,
Пока тот волокли на богомольню.

Мы такие

Всё больше чудодейственных снадобий
Со всех концов Земли до нас доходят,
А с ними – тысячи инструкций и пособий,
Они вернут здоровье и облагородят.

На экране эскулап про вас всё знает,
А где диагноз, там сразу и рецепт.
Он все ваши хвори угадает,
Тут новейший работает концепт.

Но лекарство, даже старомодное,
Помогает от немощи любой.
Пейте корень бузины и зелье приворотное,
Когда не всё нормально с головой.

Стройным и красивым поможет фитнес-клизма,
А пожилым и толстым – магнезию по вене.
Это в строй вернёт любые организмы,
И врач всё это видит на рентгене.

Наши врачи всегда были лучшими,
И нам ли жить в печали:
Нас видели из пепла восстающими,
А мы снова кожей обрастали.

Если кто вникает в нашу лирику,
Тот знает – если чешется, то надо растереть,
Но один раз пришедший в поликлинику
Навсегда разучится болеть.

На самом деле

Он о любви изъяснялся красиво и ярко:
Что она для него – и закат, и рассвет,
А она отвечала ясно и кратко,
Что слышит то, чего на самом деле нет.

Через тернии и завалы откровенной лжи
Шёл к каким-то берегам начинающий поэт.
Это были просто миражи,
Он видел то, чего на самом деле нет.

К нему ночами приходили предсказатели
И предлагали любой нейтралитет,
Но это были лишь чревовещатели,
Он слышал то, чего на самом деле нет.

У неё была конкретная уверенность,
И это был её большой секрет.
Но только была ложною беременностью,
Она почувствовала то, чего на самом деле нет.

Кто-то вдалеке звонит в колокола,
Когда он смотрит на её портрет,
Но это только разума игра,
Он страдает по тому, чего на самом деле нет.

Надо брать, и надо отдавать,
И пусть каторжным не кажется совет:
Очень важно и влюбляться, и страдать,
Но не надо быть таким, кого на самом деле нет.

Наколки

Прямо на спине – три маковки собора,
И тут же гнездо перепёлки.
И может еще есть для крутого разговора
Уссурийский тигр и серые волки.

Но в куполах – огрызки биографии
И сроки без долгов и святости,
И всё это в корявой каллиграфии,
А перепёлка – это древний символ храбрости.

Они-то живут, на весь мир разозлясь,
В страхе, что здоровье отберут,
Но, видимо, есть какая-то связь
Их жизни с тем, что храбростью зовут.

А у неё на животе – простреленное сердце,
И по грудям узорный симбиоз.
Там же пара молний громовержца,
А на ляжках – по букету красных роз.

И этот ребус точно без ответов,
Если только смысл не наносной.
Возможно, это тысяча приветов,
А может это что-то с головой.

Прописаны сотни различных сюжетов,
Были загадки, заговóры и пароли,
И за них не требуют ответов,
Кроме тех, кто три шестёрки на себя кололи.

Народный

Народный любимец и гражданская казнь,
Гражданский иск и народное творчество —
Это вьёвшаяся в кровь светобоязнь
И убогие законы без имени и отчества.

Народный бунт, гражданская война,
Где больше страха и меньше сочинённого?
Это в одном народе общая беда,
Теперь на сотни лет на горе обречённого.

Народные сказки – бесправное дитя,
Потому что управителям урок,
Который, как умеет, преподносит голытьба
Как просто в наставление, так и между строк.

Народный коллектив и просто население,
Порой и знать не знают друг про друга.
Они в плену навязанного мнения
И морали жертвенного круга.

Народные рецепты как лечебный брак
Нам преподносят медицинские светила.
От деревенского целителя к могиле один шаг,
Но жизнь реальная не этому учила.

Народный фронт и пункт гражданской обороны —
Заплёванная, грязная харчевня.
Где-то там и есть наши бастионы,
Но настоящему колхознику – и в городе деревня.

Погрешности

Из самой незначительной погрешности
Возникают разные проблемы.
От небрежности и её сестры – поспешности
Можно поломать любые схемы.

То на краба квоты не хватило,
А на заправках кончился бензин,
То лето очень поздно наступило,
И в животноводстве не хватило витаминов.

Чтобы дебет с кредитом свести,
Где-то шиковали, а где-то поужались.
А неряхи так дела свои вели,
Что в сумме собственной наживы просчитались.

Позорно и срамно обделить себя
И ужаться в собственных потребностях.
Она на то и есть бюджетная дыра,
Чтобы другие рылися в погрешностях.

Вы подаёте нехорошие примеры,
Если сегодня откусили меньше, чем вчера.
У каждого по должности размеры
И свои права на меру серебра.

Казнокрады, как глисты или пиявки,
Жируют на балансах и бюджетах.
Они с погрешностей делают поправки
И пилят всё в высоких кабинетах.

Согласились

Негодяй – это вовсе не ругательство:
Изначально, это тот, кто к службе непригодный,
Но в жизни так сложились обстоятельства,
Что он стал как будто прокажённый.

Злой, подлый и жадный,
А значит, и к жизни уже непригодный,
Тщеславный и плотоядный,
И для живущих вокруг чужеродный.

Нельзя прожить, не размышляя
И не вникая во всякую дрянь,
Но если хотят оправдать негодяя,
По-любому иди и восстань.

А если погоны и жирная мошна,
Тогда на факты наплюют, а правду осрамят,
А его ототрут от любого говна,
И может ещё чем-нибудь наградят.

Вот тогда вы и проверите себя,
Кто же вы на самом деле есть,
Когда решением продажного суда
Растопчут человеческую честь.
Когда при вас сумеют правду оболгать,

И ничего не взято в толк,
А вас самих смогли купить и запугать,
Это значит, вы согласились,
что «человек человеку волк».

Сомнения

Когда привычка во всём усомниться
Рядом с нами на каждом шагу,
Мы верим, что так можно защититься
И всегда остаться на плаву.

И даже самые простые впечатления,
Те, что мы внимаем каждый день,
Тоже попадают под сомнения,
Превращая будни в полудень.

Сомнения – броня, они же – вдохновение,
Если различаешь полутени в полутьме.
Но главное из главных – это мнение,
Что не надо верить самому себе.

А то заблудишься в своих же ощущениях,
И придётся новый разгадывать кроссворд,
И опять окажетесь в сомнениях,
А это раздражает жизненный комфорт.

Можно косточкой от вишни подавиться,
А может общее начаться несварение,
Но это тоже может не случиться,
Если были хоть какие-то сомнения.

Если ваша жизнь – одни только сомнения,
Вы неизменно движетесь туда,
Где вас встретят, минуя все сомнения,
Раньше вас сошедшие с ума.

Соцветие

Пусть тебя разбудит темнота,
Когда только-только ночь пришла в апофеоз.
Не открывая глаз, посмотри вокруг себя
И задай себе всего один вопрос.

Есть ли, дядя, у тебя семья,
Которая всё время рядышком с тобой?
А кто-то отцом называет тебя,
И с кем ты одной проживаешь судьбой?

Цветы полевые, что даже в глаза не бросаются,
А их из корня одного рóдила матушка-земля,
Они друг с другом даже в смерти обнимаются,
Потому что они все – одна семья.

А коль уже прижился у тёплого клозета
С помятой фотографией в кармане,
Для тебя уже не будет обратного билета,
Так и проживёшь в самообмане.

И будешь сам себе рассказывать,
Что перепутал станции в тумане,
И мятую фотографию будешь показывать,
И медленно, но верно топить себя в стакане.

Но будет праздник совершеннолетия,
И люди песни нужные споют.
Никогда не вырождаются соцветия,
Если у них корни не гниют.

Судный день

Он закусывал холодной осетриной
И бутербродом с паюсной икрой,
Сам, будучи по жизни стоеросовой дубиной,
Имел папу-депутата за спиной.

А папа – казнокрад и хитрый лихоимец,
Знал все закрома и тайные ходы.
Он со всеми нужными людьми – однопартиец,
И его без церемоний принимали
прокуроры и суды.

Сорок две квартиры оформлены на старость,
И семьдесят участков достались за гроши,
И вроде-то осталась всего лишь только малость —
В нужную конюшню гражданство завести.

Стоеросовой дубине плюнули в глаза,
Несмотря на папину фамилию.
Депутату в голову ударила моча,
И он рванулся растоптать мелкую рептилию.

Но в его сторону неодобрительно кивнули,
И папе сразу ноги поломали,
Пинками от кормушки отпихнули
И за неделю компромат насобирали.

Разбежались в судный день товарищи по партии,
Не осталось даже слипшихся теней.
А прокуроры с судьями в бумагах своей хартии
Насчитали двадцать лет сибирских лагерей.

Тележка

Если сам не можешь до конца понять
Своё заветное и тайное желание,
Надо сделать паузу и терпеливо ждать,
Не погружаясь в сумрак и отчаяние.

Кто, забыв о страхе, чужую пайку съел,
А что не влезло, распихал по карманам,
Посчитал, что в этой жизни преуспел,
Пока не получил дубиной по зубам.

Кто от несделанной работы едет отдыхать
И всегда готов пивка холодного попить,
А уж если у своих умеет отжимать,
У него призванье – власти прислужить.

Тележку тащит ослик, он мелок и сутул,
Возница, свесив бороду, вроде бы как спит.
Он уже как полчаса вечным сном уснул,
А тележка всё колёсами скрипит.

Не стоит жизнь вожжами подгонять,
Она помнит всех наперечёт:
Тех, кто ел чужое и пытался отнимать,
Она к нужным лабиринтам привезёт.

Колёса на гору натужно заползают,
Ими сила неземная управляет.
Здесь никого ни в чём не обвиняют,
И каждый по заслугам получает.

«Угадай-ка»

Его с детства окрестили «Угадай»:
Он знал любые новости заранее,
И мог погоду предсказать как бы невзначай,
И кому какое грозит заболевание.

Он вроде как «накаркал» беременность соседке,
А охотникам – «Ни пуха, ни пера»,
Мелкому воришке – срок на «малолетке»,
А своей бабушке – большие «сахара».

А когда он угадал футбольный счёт,
Где Бразилия расправилась с Ямайкой,
Он прославился как маг и звездочёт,
И стал теперь не просто «Угадайкой».

Его повесткой вызывали к военкому
И присылали «Волгу» с Гидромета,
Он консультировал по курсу биржевому
И влиял на оформление бюджета.

Он теперь во всех делах советником,
Хоть и грамотно писать не научился,
Но рядом с благодетелем он главным
проповедником
На процветание всеобщее трудился.

Всё, нет тайн Мадридского двора,
И скажем тем, кто оказался наверху:
Пусть ваша продолжается игра,
Но «Теперь мы знаем, кто есть Who!»

Правую рукой

Он был велик для шахматной доски,
Где регулярно низвергают королей,
А Геракл, силы умопомрачительной,
Был для него фигурой незначительной.

Он считал титанов просто пацанами,
А циклопов – хилыми тенями.
Он для всех в округе был кумир,
Покоривший своей силой целый мир.

Всем угрожал, что соберёт в багаж гордыню
И уедет в Иудейскую пустыню,
И после встречи с Сатаной
Станет его правой рукой.

Он давно страдал от мании величия,
И во времена сезонных обострений
Обещал пришельцев победить
И газопровод под водой перекусить.

Ему никто ни в чём не возражал,
Он никому не досаждал и не мешал.
Его жизнь от всех куда-то увела,
Что-то видимо дала, а что-то отняла.

Полон XXI век безумия и величия
Без грамма удивления и с морем безразличия.
Тем, кто довёл себя до умопомрачения,
Чужды сожаленья и сомнения.

Презрение

Нам говорили о деньгах, как о сердечной аневризме,
И что у нас совсем другие ценности:
Мы скоро будем жить при коммунизме,
И каждому воздастся по потребности.

Про деньги даже говорить стыдно и позорно,
Не стыдно в уценёнке пальтишко покупать,
От аванса до получки доживать покорно
И валенки дырявые дратвой подшивать.

Из старого динамика новости читают:
Обновляется состав политбюро.
Они, наверное, тоже до получки по рубчику шкуляют,
Но точно презирают серебро.

Преступно и безнравственно думать о деньгах,
Когда рядом целая страна.
Пусть телогрейка старая на твоих плечах,
Будь готов работать без отдыха и сна.

Цена жизни человеческой на весах в киоске —
Двести граммов маргарина и полбутылки водки.
Вонючие портянки и зубы на присоске —
Это гегемон с нефтеразработки.

Он тоже деньги очень презирает,
Как и вся его великая страна,
Потому их беспощадно пропивает,
Опорожнив бутылку из горла.

Профессия

То ли меня осень прохладой укачала,
То ли отражения вальсируют в воде.
Она бы мне письмо в две строчки написала,
Найдя минуту в рабочей толкотне.

И я попробую себя уравновесить,
Оценив всё от начала до конца.
Это страшно – днём и ночью бредом грезить,
Когда сам себе защитник и судья.

Я был рыцарем без страха и упрёка,
Пытался доблесть и отвагу проявлять,
И был глупцом, не понявшим намёка,
Что её можно было просто покупать.

Ей было тошно от душевных уговоров,
Она умела очень складно врать,
Пряталась, меняла сутенеров,
Чтобы себя за деньги продавать.

А я запил от полной безнадёги,
А потом пришла тяжёлая депрессия,
Когда она сказала в коротком диалоге,
Что это у неё любимая профессия.

Нет у нас запретов на профессию,
И если бы она две строчки написала,
Я бы нашёл дорогу к равновесию,
Надел петлю на шею и всё начал сначала.

Родилась

Кому какая разница, что выгнала жена —
Она сантехника из ЖЭУ полюбила
За фиксатую улыбку и раскосые глаза,
А если что ещё, то это она скрыла.

Мы целовались с ней ещё с восьмого класса,
И как можно предположить – увлеклись,
И меня женили, как женят папуаса,
И вот тебе – семья, попробуй, придерись.

Меня взяли в грузчики геологи,
Надо было как-то выживать,
А она подалась в косметологи —
Наращивать ресницы и брови рисовать.

А сантехник по тюрьме был баландёром,
И там по коридорам свой срок и отходил.
Но в ЖЭУ оставаясь всё тем же мелким вором,
К моей бабе мимоходом подкатил.

Когда он её хлопал по попке мармеладной,
У неё от удовольствия крыша протекала,
И она, ощерившись улыбкой кровожадной,
Отвечала, что всю жизнь его искала.

Так родилась крепкая семья,
Что у нас зовут ячейкой общества.
Кто-то бросил за борт якоря,
А мне досталось счастье одиночества.

Мат – не словоблудие, а водка
 только в праздники и в горе,
Вот кодировка – это бедствие,
Которое лишит свободы воли
И разума, как следствие.

Свет

Он был магом тьмы и света
И умел, как кот учёный, сказки рассказать,
И, в исполненье указаний первого декрета,
Умел на скрутках провода соединять.

Свет научились продавать с торгов,
А дети буквари на ошупь изучали,
И тени на стенах сплетались в ведьмаков,
И казалось, что полмира накрывали.

Светом торговать раньше не пытались,
И подобного товара на базарах не видали.
С рожденья мира свет и тьма сражались,
Но никогда себя не продавали.

Каждый проблеск света и есть его величество.
Свет являет жизнь, а тьма являет смерть.
И совсем не то же самое свет и электричество:
На свету стоит земная твердь.

Солнце бы ещё в его распоряжение,
Он бы эту лампочку немного притушил.
Можно много сотворить от большого рвения,
Он за него, возможно, и отставку получил.

С повязкой полицейского не нужно аусвайса.
И не придумайте, что это гости с Марса.
Но если бы не рыжим был Чубайс,
Ему бы отдали полцарства.

Светофор

Многие стараются думать наперёд,
А кто-то «за потом» это будет делать.
Надо все дела пускать в расход,
Всё равно их все не переделать.

А что плохо водку пить с утра,
Так это просто ересь несусветная;
А как, скажите, сотворять свои дела,
Если кругом тупость беспросветная?

Она всегда заносчива, когда официальная,
И лезет со штыком наперевес,
И как районная контора ритуальная,
Во всём пытается найти свой интерес.

В приёмной секретарша без трусов
Светит так, что хоть глаза прищуривай,
А в кабинете восседает Ваня Хлестаков,
Только с красной рожей – хоть прикуруйвай.

Кто не хочет водку пить с утра,
Тот в жизни ничего не понимает.
А коль пытается решить свои дела,
То, значит, на заносы деньги собирает.

Время всё сумеет поломать,
И мы всё-таки пойдём наперекор.
А чтоб самих себя не презирать,
Будем ждать зелёный светофор.

Сергею, в первое утро Великого поста

Тучи нависают холодные и мрачные,
Лужи растекаются тенями абстрактными,
Только мысли в голове очень однозначные,
Потому и кажутся бестактными.

Они опять одно и то же вопрошают,
Что все сомнения надо переждать.
Они нудно и настырно убеждают,
Что можно ещё всё переиграть.

Только сердце затаилось и молчит,
Оно знает, что ещё одна попытка —
Это будет кабальный и душный кредит,
А там только из жалости выдаётся скидка.

Возможно, можно отыгаться, если проиграл,
А что делать, если лабиринт не смог пройти,
Где все стены из кривых зеркал,
И уже в конце приходится ползти.

Как не просмотреть за буднями скрипучими,
Пусть это будет даже полусон,
Как у зеркала воды под ивами плакучими
Играет для тебя аккордеон.

Немного от страстей своих остыньте,
Не пытайтесь отыгаться и оспорить.
Это лишь блужданье в лабиринте,
Где главное – себя не опозорить.

Хотел

Я очень хотел совершить поступок,
Но только потоптался у порога.
Кто хочет просить у судьбы уступок,
Не должен искать предлога.

Я хочу сразиться за даму
И воинственно закричать,
Но, боюсь, про меня сочинят эпиграмму,
И потому надеюсь переждать.

А за правду всегда вступлюсь,
Вот только погода не очень,
И я сегодня вряд ли соберусь:
Меч не остро заточен.

Я намерен собраться в крестовый поход,
Расхитителей тащить к гильотине,
Но если и возьму самоотвод,
То лишь по очень уважительной причине.

Не хотят за меня поручиться,
А мне без рыцарства никуда.
Ведь я ни с кем не могу ужиться,
Когда кругом мерещится война.

А я хочу по-рыцарски, чтоб авторитетно,
Помогать любому и даже сострадать,
Только чтобы меня не было заметно,
И чтоб никак собой не рисковать.

Шабаш

В салоне делают вампиру маникюр:
У него завтра романтическая встреча.
Всё очень вежливо, везде культур-мультиур,
Он процедуру принимал, ни грамма не переча.

Он сюда пришёл от стоматолога,
Ему там подравняли симметрию клыков.
Всё получилось хорошо, но очень дорого,
Но в подарок напихали порошков.

Ему хотелось выглядеть прилично —
Завтра полная Луна и шабаш городской,
И если всё получится предельно поэтично,
То удастся насосаться крови голубой.

Камзол бы красный под такой кураж,
Да очки от фирмы Hugo Boss,
Самый подходящий для шабаша витраж,
Ведь с вампирами всегда рядом симбиоз.

А вампирше наводили татуаж.
На ней будет декольте и юбочка короткая,
И это приведёт публику в экстаз,
И ей будет хлопать вся толпа срамная.

Каждый отвечает за себя,
И всё условно: и прямое, и кривое.
И какой бы ни была Луна,
Ничем не запятнается людское.

Часть III. Неотвратимость

Неотвратимость

Я с утра с неотвратимостью встречался,
Чему, конечно, очень сильно удивился.
Я перед ней, похоже, сильно разболтался,
Наверно от того, что не опохмелился.

Дама уже взрослая и очень беспокойная,
И потому всё время крутит головой.
Притом она глазастая и эталонно стройная,
И совсем не интересовалась мной.

В ней сливалось время и пространство,
И мир метался между небом и землёй.
Здесь мы задыхались от непостоянства,
И каждый становился сам себе судьёй.

Неотвратимость ничему не удивлялась,
Её загадочный портрет куда-то провалился.
Она меня, наверно, испугалась,
Когда я наконец-то похмелился.

Вы дайте мне пропить свою свободу,

Подарите меня идолам обмана
Или по кускам скормите кукловоду,
А не то я сам убью Левиафана.

Я с неотвратимостью сумел поговорить
И уверен, что смогу с колен подняться,
Восстать, вооружиться, победить
И, может быть, погибнуть, но не сдаться.

Белые глаза

На весенней запашке стогектарного поля,
Где к обеду солнце пригревает
и противно орёт вороньё,
У тракториста по прозвищу Гриня-Неволя
На лемех намоталось какое-то тряпьё.

Тракторист-Неволя встал перекурить
И увидел, что сорока в том тряпье копается:
Она чем-то собиралась закусить
И явно, что по-своему ругается.

У Грини не бывает долгою разборка,
И монтировка – третья рука.
Оказалось, что когда-то это была гимнастёрка,
На которой блестела медаль «XX лет РККА».

Он это поле помнил с ранних лет,
Там, когда проходят майские дожди,
Удивлённо белыми глазами
Человеческие кости смотрят из земли.

Гриня уже много перевидел всякой срани,
Но ему было понять не под силу,
Что, если это поле было полем брани,
Почему он пашет братскую могилу?

Они лежат в лесах и в ковылях
И не просят им молитвами воздать,
Но мы обязаны на вспаханных полях
Их останки бранные собрать.

Бревно

Я тут было заимел свою точку зрения,
Это прямо снежным комом навалилось,
И сразу же пришлось вдаваться в объяснения,
Что со мной, лишенцем, приключилось?

Сначала думали, что я с температурой,
И вроде даже начали жалеть,
И кого-то собирались отправить за микстурой,
Чего мне точно было не стерпеть.

Тогда начали настойчиво склонять
Признать публично свою неправоту,
И литературными примерами пугать,
А у меня всё это вызывало тошноту.

Я с раннего детства был очень упрямый
И всегда предпочитал грызться до конца.
И все тогда решили, что я и есть тот самый,
Кто может стать пособником врага.

Я на ленинский субботник не хотел идти,
Не повлияли ни угрозы, ни нотации.
Им не хватило сил меня к порядку подвести,
И общественность потребовала санкции ввести.

Дедушка Ленин тащит бревно,
А я отказался помогать – негодник.
Меня взяли на заметку в гороно,
И, в назидание другим, теперь я точно второгодник.

В полномочиях

Талант умело заболтать любую из проблем,
Запутать умным разговором явную причину,
Отодвинуть на потом главную из тем
Должен быть у каждого чиновника по чину.

Он должен очень остро говорить
Языком тостов и сальных анекдотов.
Такого никогда не смогут перебить,
Чтобы вникнуть в смыслы этих фальшотчётов.

Смотреть в глаза и заявлять от фонаря,
И при этом получать аплодисменты,
Уменьше страстно говорить, ничего не говоря,
Всегда сулит чины и дивиденды.

Всё это – наследство одного творца,
Ни с кем не спутаешь его скуластый профиль.
Красный плащ, ужимки хитреца:
Это – собиратель душ, демон Мефистофель.

Он – житель ада, презирающий людей,
Умел одной ухмылкой душу осквернить,
А собирателей различных должностей
Учил унижить тех, кому обязаны служить.

Его учение живёт и побеждает,
Оно – как свежесть от кривого вентилятора:
Кто-то кресло депутата выкупает,
А у кого-то полномочья императора.

Возомнил

Он хотел всё видеть и всё знать,
И, как глубокий юбочный разрез,
Мечтал одновременно скрыть и показать,
Что он всегда пойдёт наперерез.

В сюжетах длинных сериалов
Он вживался в героические роли
Благородных и богатых феодалов
С бантами, шпагой и в камзоле.

Но кому нужны «Поющие в терновнике»
И любовь в любой аранжировке,
Когда вся мера в алюминиевом половнике,
Раздающем кашу в заводской столовке?

Он хотел всё видеть и всё знать,
Потому и возомнил себя поэтом.
Ему хотелось понимать и сострадать,
И для кого-то распуститься первоцветом.

Кому-то снятся недоеденные торты,
Кто-то погружается в язычество,
А жизнь направо и налево делает аборт
Нашим притязаньям на владычество.

Он сам себя не мог предугадать,
Уже не веря ни в часы, ни в расстояние,
Что будет думать, и что готов сказать,
Будучи готовым сделать покаяние.

Воображение

Те, у которых право выбора отняли,
Взялись добиваться уважения:
Они открыто заявили и даже угрожали,
Но всё это – игра воображения.

А в регионе по бюджету тухлые расклады,
И там не было предела возмущения.
Автострады перекрыли баррикады,
Но всё это – игра воображения.

Обманутые дольщики, закормленные враками,
Силой добивались объяснения
В стычках с полицейскими и массовыми драками,
Но всё это – игра воображения.

Когда для медиков закончились подачки,
Не осталось даже малости терпения,
Повсеместно прокатились митинги и стачки,
Но всё это – игра воображения.

А школа стала местом выживания,
И когда стали нестерпимы унижения,
Гролом прогремели протестные собрания,
Но всё это – игра воображения.

Не отыскать для переправы брода,
И никуда не денутся страхи и сомнения,
И никогда и никому не будет дарена свобода,
Если всё кругом – игра воображения.

Всегда

Когда-то щёку подперев огромным кулаком,
Мыслитель погружался в размышленья,
Но его легко объявят дураком,
Если не предскажет лунное затмение.

А сейчас себе под нос бубнит интеллигенция:
Похоже, они ищут объяснений,
Почему где нет мозгов – хорошая потенция
И не бывает никаких сомнений?

Мы давно всех обогнали на научной ниве,
И не надо объясняться с каждым идиотом.
Только тот, кто себя видит в социальной перспективе,
Может называться патриотом.

Пусть кто-то носится с новыми проектами,
И пусть их мучают разные суждения,
Но там всегда найдутся ложные аспекты,
И останется одно, но правильное, мнение.

На каждого всегда найдут причину,
Хотя они и были не совсем чужими.
Этих личностей заблудших расстреляли в спину,
Но патроны оказались холостыми.

Велик масштаб побед и поражений,
Но говорят, что это всё не зря,
Ведь, вопреки набору разных мнений,
Всегда над нами силуэт вождя.

Второгодник

Зайцу хорошо на морковном поле,
А пушистой белочке – в дупле.
Нам тоже было хорошо в начальной школе,
Когда учишь буквы в букваре.

Нас пионеры посвящали в октябрята,
А дальше – комсомольцы в пионеры.
И мы не просто так девчонки и ребята:
Нас воспитали наглядные примеры.

Но однажды появился второгодник,
Он сидел один на последней парте, как чужой.
Говорили шёпотом, что он вообще разбойник,
И кто-то видел, что он носит ножичек складной.

Нам, понятно, запрещали с ним дружить.
Он смеялся как-то не по-детски,
И казалось, что с трудом умеет говорить,
И слегка ведёт себя не по-советски.

Он на шее красный галстук не носил,
Возможно, с пионеров исключили:
Наверно, где-то что-то натворил,
Но нам про это ничего не говорили.

И не пришла к углу гипотенуза,
И реальность оказалась совсем немилосердна:
Его отец – Герой Советского союза,
К званию представленный посмертно.

Герои

Не обойдётся без героев в приключенческом кино,
Пусть оно будет про Синдбада или про Кинг-Конга,
Где бы ни было оно сотворено:
На холмах Голливуда или в студиях Гонконга.

Риддик от злодеев космос очищает,
На Диком Западе шерифы и ковбои,
А где-то Джеки Чан драконов побеждает,
Всё – суета сует, а этих нам – в герои.

Но наш герой – правильный и твёрдый
В «Семнадцати мгновениях весны»,
Тоже кем-то из фантазий сотворённый
Как пример моральной чистоты.

Он же чуткий, человечный, убеждённый,
В фильме «Доживём до понедельника»
Живой, понятный и влюблённый,
Нам видится иконою отшельника.

Огромное чудовище утешится блондинкой,
Летящего к свободе Икара обескрылят,
А наш герой всё время будет невидимкой,
К нему всегда идеи нужные пришьют.

Героя невозможно преподать,
Их нам дарит Матушка-землица,
Этого нельзя ни предложить, ни навязать,
Они могут только в сердце поселиться.

Горбатые

Не у всех прошли впустую годы молодые,
Но мудрость только с возрастом пришла,
Когда себе горбы нажили золотые,
Позабыв, зачем их мама родила.

Им бы взяться за дела благие,
Но они не знают праведных путей.
Кого-то приютят совсем чужие люди,
А где-то забыли лица друзей.

Ладят гроб из сосновой доски,
И стружкой кучерявятся рубанки.
Когда ноги суют в сапоги,
Никто не спрашивает мнения портянки.

Тех будут до гроба жевать,
Кто портянкою быть согласится,
Им где скажут, там и будут воевать
И ночью своим идолам молиться.

А тех, кто щеголяли в золотых горбах,
Чтобы не воняли, сбрызнут дихлофосом
И похоронят в дорогих гробах.
Эти тоже мрут, вопреки прогнозам.

Для жизни не написана инструкция,
Она просто проплывает день за днём:
Где-то – это экзекуция, а где-то – проституция,
Каждого по-разному помянем,
но только не за каждого нальём.

Грошик золотой

У него под гору – ноги колесом,
А на горку – как калека с костылями.
Где-то в жизни мчались скакуном,
А где-то прокрались с закрытыми глазами.

Из стволов, как из калош, кислым завоняло,
А на закуску смастерили кукиш наливной.
Тут же рядом совесть в дурачка играла,
А по столу катался грошик золотой.

По трамвайным рельсам размазали рассудок,
Кто-то нехороший крутит патефон.
Никого не узнают в это время суток,
И под бледным фонарём качается фантом.

На мормышку клюнула гадкая мыслишка,
И в приправу перетёрли лавровый веноч.
В грязной луже плавает сберкнижка,
И все стороны примирит увесистый пинок.

Кому отрежут уши, кому язык «подрежется»,
И блестит боками грошик золотой.
Сегодня там кредитами утешатся,
А завтра сами завербуются в конвой.

На стройке Вавилонской – ударная работа,
Там также рулит грошик золотой.
И если по окопам прячется пехота,
То кто-то обязательно кормится войной.

Железом по стеклу

Кто-то по стеклу шоркает металлом,
Он, наверное, лихо пытается будить.
А те, кто рядом, уподобившись шакалам,
Норовят побольше откусить.

Прожорливый шакал не может подавиться,
А лихо никого не напугает.
А если кто-то не умеет объясниться,
Пускай один за это пострадает.

Где она – природа человека?
То, что нужно говорят марионетки,
А кто себе намерил по два века,
В себя вживляют стволовые клетки.

Толком ничего не разглядели,
Когда в чужие письма заглянули,
Но с нас тоже ничего не поимели,
Мы свои жиры в корсеты затагнули.

Они исправно свои роли исполняли,
Не подозревая, что живы другие мнения,
А так как ничему не присягали,
То и не боялись отлучения.

Кто голове своей руками помогает,
Тот просто не пойдёт на разворот,
Чтобы разглядеть, как дьявол искушает
И просит расплатиться наперёд.

Заживо

У деревенских петушков гребни приморожены,
Собака с кошкой голодают – брошены.
К чуть тёплой печке жмётся старый дед,
У него пустая тюря на обед.

Коптит вонюче и угарно керосинка,
В бочке прокисает рябиновая брага,
А на стенке в рамочке картинка
Усатого бойца ежовского Гулага.

Он при чинах на Колыме служил,
Вредителей и контру изводил.
Дед через тряпку грязную браги нацедил
И беззубым ртом с собой заговорил.

О том, как правильно своей стране служил,
Как ревностно и точно приказы исполнял.
А скольких только сапогами до смерти забил,
Никто и никогда не подсчитал.

Он захлебнулся брагой и замычал, как вурдалак,
И керосинка покатилась на лежак.
А смерть стоит и как всегда молчит,
Наверно ждёт, что эта нечисть заживо сгорит.

Нам всем расписаны какие-нибудь роли,
И наша школа – это коллектив.
Нас хитро избавляли от свободы воли,
Кого-то запугав, кого-то прикормив.

Кривые зеркала

Много было и царей, и сумасшедших,
Что временем пытались управлять,
Они не видели себя в числе отцветших,
И уж никак не собирались умирать.

В современном мире таких не перечесть,
Кто всё-таки пытается время обхитрить.
Им гордыня не даёт увидеть всё как есть,
И они должны по статусу время победить.

А пока не удаётся победу одержать,
И физики заняли глухую оборону:
Время просто взялись искривлять,
Каждый под свою отдельную персону.

Трудится хирург и косметолог,
Оттуда убирают, а где-то подставляют.
А улыбка во весь рот – это стоматолог,
Таким способом теперь время искривляют.

Шаманские обряды – диета, фитнес и стилист,
Антицеллюлитный курс,
Здоровый образ жизни и его пропагандист —
Бомбейский брамин – йог-индус.

Ничто не может время удержать,
И есть простая правда, господа:
Те, кто пытался время искривлять,
Смотрятся в кривые зеркала.

Митинг

На центральной площади трётся гопота,
Её сюда согнали для общей массы тела.
У них кислая отрыжка и густая тошнота,
И огромное желание дожить до опохмела.

На трибуне мэр – правильный и твердый,
В городе известный мудозвон.
Он продавлиывает лозунг, что народ голодный,
При этом лает и плюётся в микрофон.

Дама-депутат, высморкавшись шумно,
Заявила, что во всем виновны США.
Она пыталась говорить разборчиво и умно,
И очень много от балды понаплела.

Потом слово дали прокурору,
Он что-то мямлил о чиновниках и взятках
И призывал к народному контролю,
И было ясно, что он – дока в беспорядках.

Тучи собирались вроде как к дождю,
И те, кто был уверен в большевистской правоте,
Жались ближе к засраному птицами вождю
И призывали к классовой борьбе.

Ворковали голуби громко и драчливо,
Водитель из Газели ощерился лукаво,
Коммерсанты подвезли просроченного пива,
И гопота от левых откачнулась вправо.

Молчанка

Если станешь сильно сомневаться,
То притормози на полпути.
А если нет мочи, чтобы отказаться,
Лучше ничего совсем не говори.

В молчанье больше пользы, чем вреда,
С закрытым ртом не выболтать секретов.
А шёпот – ни туда и ни сюда,
Он годится лишь для сплетен и советов.

Говорят, в молчании золотой стандарт,
Может, это так, а может быть и нет.
Когда говорящий западает на азарт,
Прибудет лишь молчанье в ответ.

Глухарь горланит на болоте,
А к нему крадётся дяденька с берданкой.
Меньше говорите – дольше проживёте,
Вопиющие всегда становятся приманкой.

А у нас теперь басы и баритоны
На высоких нотах команды отдают,
Выстроят поротно батальоны
И все песни нужные споют.

Игра-молчанка тяготна и мучительна,
Но её, как и войну, переживут.
И все заговорят, с душой и выразительно,
И совсем другие песни пропоют.

Нарекли

Любимое дитя некомпетентности и чванства,
Что всегда надутое и всегда помпезное,
Именем назвали непонятым – мессианство,
Оно слышалось вообще как что-то бестелесное.

Конечно, лучше бы назвали интриганом —
Так, вроде, благозвучнее звучит.
Или, по крайней мере, шарлатаном,
Оно хоть за себя о чём-то говорит.

Но всё было продумано со времени зачатия;
Мессианство прорастало знаменосцами,
И никто не знал противоядия
От возомнивших себя богоносцами.

Их правда была самую правдивой,
И за неё было почётно умирать.
И даже ложь была не самой лживой,
И только лишь затем, чтобы благость
намерений сохранять.

В лабиринте еле брезжит свет,
Всё вокруг хромое и туманное,
А в голове всего один ответ:
Наверное, настало время окаянное.

Не сотворяли человека многоликим,
И в том-то и была драматургия,
Что коварство никого не сделало великим,
Даже наречённого именем Мессия.

Совпадения

У совпадений никогда не будет логики —
Она упрямо прячется за мистику,
У которой нет своей символики,
Здесь просто все впадают в казуистику.

Когда в истории находят совпадения
И оттуда тянут кривые параллели,
Это может быть кому-то в прославления,
Или на дверях оттуда петли заржавели.

Совпадение характеров – сказка для детей,
Просто кто-то из двоих удачно притворяется.
И этот хитрый затаившийся злодей,
Без сомнений, обязательно проявится.

Если хотят одних и тех же ожиданий,
А это вроде как из ряда совпадений,
Но только не бывает одинаковых желаний
Из совершенно разных ощущений.

Все совпадения притянуты за уши,
Кому-то очень хочется, чтобы они были,
И чтобы эти родственные души
Всегда одно и то же говорили.

История не примет наши исправления,
И пусть у каждого лицо останется своим.
Не бывает совпадений, это лишь сравнения,
И они не обещают ни своим, и ни чужим.

Суета сует

В суете сует – каждому своё,
Но для приманки нужен вкусный запах,
А для охотника – чистое бельё
На дальних пересылках и этапах.

Мухлюет в шахматы гроссмейстер,
Голодранца взяли «на кармане»,
Лает как собака полицмейстер,
И на проповедь собрались прихожане.

У кого-то прописалось невезение,
Как чесотка в области бикини.
Бывают от обжорства отравления,
А очень умные влипают на мякине.

Кто с везением заигрывать пытался,
И всё время ставил на зеро,
Но при этом сильно напивался
И на обозренье выворачивал нутро.

Бесперспективно в девочку влюбляться,
Если у неё происхождение.
Все её секреты будут охраняться,
И такое вот бывает невезение.

А Фортуна – из фамилий благородных
И не поклонится Супермену,
Она не отличает сытых от голодных,
Потому что знает себе цену.

Праведник

Весной, неожиданно, вроде как из сказки,
Появился с нами рядом новый персонаж,
Помню, это было сразу после Пасхи
В самый дачно-шашлыковый эпатаж.

Уже черёмухи собрались зацветать,
И скворцы скворечники в порядок приводили,
Когда этот персонаж нас взялся поучать,
Чтобы с водкой мы не очень-то частили.

Он оказалось, что не только в рот не брал,
Он даже звон стаканов презирал
И нас жалел, как сбившихся с пути,
А тоже бы, как люди жить могли.

Ему нас, заблудившихся, было не понять,
Такому персонажу ни капельки не пьющему,
Он только нам пытался праздник заплевать,
Назойливо шипя под руку раздающему.

Дети с одуванчиков наплели венков,
Мы разлили поостывшую ушицу,
Собаки догрызали объедки шашлыков,
А мы водку пили за Светлую Седмицу.

Мне на глаза попался праведник – шельмец
На лавочке в трамвайной остановке,
Обоссанный и скрюченный валялся молодец,
Сорвавшись после пятой кодировки.

Предатель

Мы всегда учились не замечать ошибки,
Но не ищите в себе сил кивнуть измене.
Умейте рассмотреть ехидные улыбки
И место каждого на этой мизансцене.

Ошибки в отношениях мало что меняют,
Они лишь учат быть внимательней друг к другу.
Подчас от них никто и не страдает,
А иногда это бывает просто с перепугу.

А предатель, хоть трусливый, но горласт,
И может долго рядом жить.
Но кто рожден предать, обязательно предаст,
А причину сам себе не сможет объяснить.

Но здесь нет ни ошибок и ни мистики
Или каких-то умных измышлений.
Тут, как правило, гнусные завистники,
Жаждающие острых ощущений.

Предатель – как прожорливый дракон,
Он заглатывает жертву целиком.
Там свой пищеварительный закон,
Где не доест считается грехом.

И ничто уже не будет доказательством,
Мы все придем к заупокойной тризне,
Но то, что называется предательством,
То это точно против самой жизни.

Разум за разум

Можно родиться без крыльев, и даже без ног,
Но в мире нет прецедента рождений без голов.
Без крыльев не взлетел, а кто без ног пойти не мог,
А у безголовых уж точно нет мозгов.

Без головы нельзя родиться,
но её можно потерять,
Без шансов даже горсточку
здоровых мыслей сохранять.
А будешь то, что предлагают, потреблять —
Твои мозги сумеют быстро спеленать.

И если кто-то напустил туману,
Это значит – скоро будет вымогать.
И те, кто досыта откушали дурману,
Готовы ему сами услуги предлагать.

В поколения вращается эпидемия,
Расползается вирус скудоумия,
И наступает эра общего затмения
Без возражений и благоразумия.

Много разных оттенков в театре теней,
И по сцене абсурда кто-то крадётся,
Но хочется верить, что разум сильней,

Что он достаточно здоров и отзовется.

Потом они друг друга будут упрекать
И виновным выберут кого-то из своих,
И вроде как начнут ошибки исправлять,
Но не бывает спроса с тяжелобольных.

Рассказчики

Когда много вокруг образчиков,
Очень сложно не заблудиться;
Десятки рассказчиков и сотня подсказчиков,
И уже непонятно у кого и чему учиться.

Когда в самой ранней старости
Очень любят обучать и вразумлять,
Те, что сами откровенные лентяи
и бездарности,
Но у этих всегда есть, чего и кому предъявлять.

Они знают, что надо хотеть,
Куда надо смотреть, и с кем дружбу водить,
Что надо читать, и что надо надеть,
Где разгоняться, и где тормозить.

А те, кто в жизни себя отстояли
И что-то в ней понимают,
На вопрос о любви и морали
Отвечают, что мало об этом знают.

Такие сами себе не примеры,
И у них на всё один ответ,
Что кроме Любви, Надежды и Веры
Ничего неизменного нет.

Не делайте жизнь с кого-то,
Идите своими путями,
Вчерашних ура-патриотов
Сегодня на задворках ищут с факелами.

Сам себя

Кто-то сам себя умеет обозвать,
А кто-то бьётся в стену головой.
Есть, кто сам себя пытается пугать,
Исходя похмельною хандрой.

Мысли, как туман, – ветром не собьёшь,
И сомненья снег не заметёт,
Если только паника в плен не заберёт,
И за тебя, болезный, думать не начнёт.

А задние мысли – как тухлые яйца,
Смрадно воняют, но не съедобны.
А за свои сомнения, как ни зацепляйся,
Они всё равно ни на что не способны.

Суметь свои задние мысли прогнать —
Редкий и ответственный талант.
А что-то себе самому доказать —
Совсем не простой вариант.

Надо себя добровольно связать,
Чтобы как надо развлечься,
И марш похоронный себе заказать,
Чтобы окончательно от разума отречься.

По колесу рулетки скачет шарик,
Его безумный взгляд сопровождает.
В захватанном бокале плещется вискарик,
И сон разума демонов рождает.

Чтобы не запутались

Гимны и речёвки учили наизусть
И истуканам каменным клятвы приносили.
Нам были чужды размышления и грусть,
Мы комсомол и партию любили.

Когда на вахту трудовую заступали,
Биографию писали трудовых историй,
За что на молоко талоны получали
И льготные путёвки в санаторий.

Шахтёры, сталевары, комбайнёры
В поле, в героическом порыве советского народа,
Исправно исполняли свои роли,
Пятилетку завершив в четыре года.

К седьмому ноябрю всё пересчитали
И тут же, в барабаны грохоча,
Планы трудовые новые верстали
Ко дню рождения родного Ильича.

Не пролезут негодяи к нашим закромам,
Нас сплавляли в доменной печи,
Мы выстроим отпор любым врагам
И в орала переделаем мечи.

Но где не получалось хитро перевернуть,
Вымазать, подчистить, исказить,
Нас просто принуждали забывать,
Чтобы не запутались, кому благоволить.

Чужие

Чужие тайны очень возбуждают,
Как мумии из Древнего Египта.
Они одновременно жгут и вдохновляют,
И пахнут специфически, как листья эвкалипта.

Чужие мысли крайне интересны,
Их надо научиться правильно читать.
В истории подобные случаи известны,
Когда чужие мысли умели отнимать.

Чужое мнение – как кислая капуста,
Приторно вонючая, если не промыть,
А потом её еще намять до хруста,
И можно водку смачно закусить.

Чужие интересы сродни тараканам,
И с ними надо быть настороже:
Они сначала шарят по карманам,
Пытаясь вас раздеть до неглиже.

Чужое всегда толще и вкуснее,
А чем больше недоступно, тем желаннее,
И, по всему, чужое ещё и горячее,
А значит – на порядок долгожданнее.

Чужое просто в руки не даётся,
Но можно попытаться на заказ,
А в жизни просто так ничего не обойдётся,
Даже если это было всего лишь один раз.

Шоу

Шоу – это постановочный показ
На чьи-то деньги и под чьи-то пожелания,
Всё исполняется, конечно, под заказ,
Под согласованный сценарий и капризные желания.

На важный юбилей исполнится парад,
И видно тех, кто рулит, а кто на подтанцовке.
Телевизионно-журналистский маскарад —
Главные на сцене праздничной тусовки.

А шоу юмористов давно себя изъело,
Уже и дядя Бетросян хуже героина.
Их пластинку тридцать лет назад заело,
А они ещё гребут на корке апельсина.

А шоу трансвеститов и шоу депутатов
Объединили целеустремлённость и упорство
В расчёте отлизать у главных постулатов
Сласти под названием притворство.

В шоу верность, как и сострадания,
Игра под спецэффекты и барабанный бой,
Стала называться «народные гуляния»,
Где всегда по-царски пир горой.

Мы уже по ноздри в болоте потребления,
И нужны лишь как наружная реклама.
И зовется это шоу – обнуления
Стволового человеческого штамма.

Часть IV. Прощающим – прощение

Прощающим – прощение

Сегодня перед Пасхой седьмое Воскресенье,
А завтра наступает время покаяния.
Мы часто сетуем, что жизнь – одно мгновение,
Но ведь мгновение – это тоже достояние.

Но бывает, что мгновенье длится век,
И гордыня сможет толстые мозоли натоптать.
А коль «внезапно смертен человек»,
Он должен научиться ближнего прощать.

Сегодня наступает особый чин прощения,
Нам его Отец Небесный подарил.
Так испейте эту чашу просветления
И других простите, чтобы Он простил.

Не надо слать друг другу ангелочков,
В душе найдите нужные слова,
Обойдитесь в этот раз без голубочков,
Пусть это будут ваши голоса.

А завтра наступают «дни печальные»,

И надо с добрым сердцем каяться в грехах.
Будут дни голодные, и будут поминальные,
Но вера победит немощность и страх.

Укрепитесь в собственном смирении,
Но не ищите обета молчания.
Оставьте свои сомнения,
И тогда придёт покаяние!

И за тех тоже!

Ёлка горит и исходит смолой,
И прёт угарный запах из печи.
Остался только кашель злой и затяжной,
А когда-то в ней на Пасху пекли куличи.

А до дома всегда хочется добраться,
Поколдовать у этой печки и заварить чайку,
Немного отогреться и снова собираться
На эту распроклятую войну.

Треплет ветер тряпку разноцветную,
Набат призывный из транзистора звучит,
И уже развезли депешу секретную,
Но распорядитель пока ещё молчит.

Вам бурятские позы с кислым изюмом
Там, где поднимаются чёрные дымы.
Он сам себя пугал камуфляжным костюмом,
И куда тут сбежишь от тюрьмы и сумы?

Пели песню про «синий платочек»
И всё время путались в словах
Жертвы старых воинских отсрочек,
Которых собирали впопыхах.

Мы шли опять друг друга убивать
За чёрные руины Угледара;
Неужто время повернуло вспять,
Увидев, что нам мало Екатеринодара?

А батюшка?

А батюшку ругали нехорошим словом
За то, что не пришёл обедню отслужить.
Ничего не скроешь в пространстве поселковом,
Здесь любого можно враз разговорить.

А кто-то из таких тайну разболтал,
Что батюшка с утра выглядит смутьяном:
Он разоблачился, в смысле рясу снял,
И сидит в обнимку со стаканом.

А самогонка местная – зараза ещё та,
Мозги вместе с ногами заплетает.
Из брюквы сотворённая бурда
Силачей с двух кружек вырубает.

А батюшка у нас был хилый и subtilный,
С жиденской причёской, собранной в косичку.
Его образ маложильный и стерильный
Напоминает птичку-невеличку.

А ведь были настоящие попы —
Бородатые, мясистые, с наливными мордами,
Они жрали всё: от сала до яичной скорлупы,
А самогон пивали только вёдрами.

А наш батюшка сегодня захворал,
С ним матушка решила разводиться:
Он очень мало денег получал
И ничего не мог, кроме как молиться.

Комедийный Старый Новый год

Не бывает двух истоков у времени,
Ведь даже теменные кости слиты в один шов.
Всадник времени кочует в одном стремени
По иллюзиям реальности и предсказаниям снов.

Восстало Хамово отродье
Посрамить деяния Творца,
Свою прихоть стасовав под «Новогодье»
С подачи полоумного царя.

Рождество и исчисление Земное —
Не один и тот же поворот.
Если Рождество с шестого на седьмое,
То Новый год лишь через восемь дней придёт.

Это Божий Сын рыдал под обрезанье,
А его Небесное Иисусом нарекло.
В тот день, когда явился Агнец на закланье,
К людям время искупления снизошло.

А для нас комичен Старый Новый год,
Он с каждым разом всё смешнее и смешней.
Мы давно попали в этот переплёт,
Но не стали ни умней и ни трезвей.

Самовразумление и самосотворение —
Дороги наши грубы и тернисты,
Но покаяния, любви и вдохновения
Убоятся только атеисты!

Кто он?

В жизни современной есть такая личность —
То какой-то сказочный антигерой,
Он не скрывает свою архаичность
И не бывает ни добрый, ни злой.

Его принципом было иметь половину,
А умеренность считать психической зрелостью.
Он справедливость понимал, как середину,
А в разговорах отличался логикой и смелостью.

Ему претила благость намерений,
Он реагировал только на поступки,
Не принимал каких-либо сомнений,
И не в его традиции были уступки.

Ему пятое Евангелие кто-то диктовал,
А времена года меняли друг друга.
А он всё время Царя в гости ждал,
Не выходя из своего же полукруга.

Он всё время за нас пытался просить,
А сам не учил ни любви, и ни горю.
Он был призван наш атеизм тащить,
Ползя на коленях к Мёртвому морю.

Всегда успевайте и ничего не упустите,
Всему, что имеете, кончается срок,
Но вокруг себя внимательно смотрите:
Возможно, рядом с вами говорит пророк.

Лукоморья больше нет

За спиленным лесом и гнилым болотом,
У пересохшей реки, что за плешивым бугром,
Вот именно там, за правым изворотом,
Прятался мрачный дом.

Он очень походил на каталажку.
Тут никого не ждут на чаепитие,
Хотя все двери были нараспашку,
А над ними вывеска кривая «Общежитие».

Тут не знают страха и заботы,
А они от перестройки пострадали,
Трудно им без творческой работы,
Но им теперь с бюджета помогали.

Их регион был глубоко дотационным,
Здесь жили упыри, вампиры и даже людоеды.
Они все пропитали запахом зловонным,
Зато не пропускали бюджетные обеды.

Спонсоры всегда подгоняли сладости,
И их заказы выполняли без задержки.
Здесь знали про их тайные похоти и слабости,
И всегда готовы быть группую поддержки.

В сказочной избушке Бабушки-яги
Любили задушевные беседы,
А в «Общежитии» у высохшей реки
Ждут свои заказы людоеды.

Миру – Мир

Селёдка прямо млеет от репчатого лука,
Парит кастрюлька сваренной картошки,
И тут же – принесённые без шума и без стука
Две пол-литровые бутылочки «Перцовки».

Так в бараке отмечали юбилеи,
Когда нам – «Лимонад» и рассыпчатая слойка.
Сегодня в мой дневник не заглянули,
А там по поведению снова была двойка.

Отцу на праздники отгулы не дали отгулять
За то, что возражал общественному мнению,
И даже куда следует хотели написать,
У него, похоже, тоже два по поведению.

У нас свой чайник браги и «Север» плесневелый,
Да ещё огромный двор без окон и дверей.
Он не умел прощать, но был отчаянным и смелым,
Школой рано повзрослевших сыновей.

А Кобзон поёт для тех, кто не дорос
И не понял истинной цены,
А жизнь требует ответить на вопрос —
Хотят ли русские войны?

А мы курили «Север» плесневелый
И хотели Мира во всем Мире,
А что народ наш всех сильнее и самый смелый,
Нам было ясно, как дважды два (четыре).

Мундир

Резко повернулся – закружилась голова,
Ответил резко – сердце закололо,
А когда ещё и снег не лёг на Покрова,
Уже не обошлось без валидола.

С ним явно что-то было не в порядке,
Если забыл, что означает седьмое ноября.
Он против всяких нарушений в распорядке,
Но, верно, вилки и ножи прячутся не зря.

Его, наверно, хворь какая-то пленила,
Он свой мундир парадный выкинул в окно,
Но его опять соседка притащила,
И ей опять за это строго внушено.

Его в этом мундире возили на парад,
И стоял солдат не отступившей гвардии,
Уже не понимая, о чём все говорят,
Он – последний из погибшей 33-й армии.

К седьмому ноября праздничный набор
Два комсомольца ветерану принесли:
Бритву в красной упаковке «Душевный разговор»
И из-под Ржева горсточку земли.

И он себя приговорил «Душевым разговором»,
Без слёз и наставлений его огонь погас.
Он принял смерть без отступления и позора
И ушёл, оставив всё на нас.

На коленях

Смотрите, упавший по грязи ползёт,
Он стёр уже ладони и колени,
Но никого на помощь не зовёт:
Он равнодушен к моральной гигиене.

Вам казалось, что он ползёт,
Ему просто надёжнее ближе к земле.
Он давно без страховки идёт,
Не изменяя самому себе.

Он не хочет смотреть далеко
И не хочет идти ногами.
Ему лучше, когда под носом дерьмо,
Которое кличут грехами.

На четвереньках головы не задерёшь,
Но себя легко возненавидеть.
И удовольствия с собой не наберёшь,
Но легко себя страданием пресытить.

Он первым дойдёт до края земли,
И это будет его эшафот.
Ведь это он шёл, а другие ползли,
Хотя и казалось наоборот.

Нам смерть всякого в затылок надышала,
А ей-то небылиц не наплетёшь,
И каждому найдётся место у причала,
То истина: что сеешь, то и жнёшь.

Откуда?

Просвещённый барин приехал из Европы,
Он имение своё от скуки навещает.
Его поклоном до земли приветствуют холопы,
И бледный управляющий на цирлах подбегает.

У него от страха и любви коленки подгибаются,
Хотя он барину успел список смастерить
Про девок, что уже мёдом наливаются
И сумеют «барщину» телом оплатить.

Если, вдруг, какая станет супротивиться,
Такую можно на конюшне вóжжами забить,
Но, а если поведёт себя, как нечестивица,
Её надо борзыми собаками травить.

Господское сословие пьёт и развлекается
И острословит на нерусских языках,
Перед иконами, прищурившись,
Кривляется и спорит о французских коньяках.

Все восславленные русские фамилии
Выползли из нор феодализма,
Сплетен и интриг придворной камарилии,
Из мистицизма и имперского цинизма.

И будет бунт, мольбы и ворожба,
Отрубленные головы и жертвенные капища.
Всё в себя вдохнёт русская судьба,
Но тут же выдохнет пожарища.

Пароход

Завтра без меня уходит пароход,
Он уплывёт, в рассвете растворяясь,
Прощально прогудит и, набирая ход,
Блеснёт своей кормой, с воздухом сливаясь.

Он уходит к дальним берегам
С теми, кто себя зовут гражданами мира,
Они могут присягнуть любым церквам
И из чего угодно сотворить себе кумира.

Пусть им будет сладко на чужой земле,
Они сами отказались этот Крест нести.
А потому меня и нет на корабле,
Что я готов весь Крестный путь пройти.

Пусть будет лошадь без уздечки и седла,
Пусть всё уже в надрыве и на взводе.
И если вдруг она занемогла,
Не покупайте место на этом пароходе.

На Брайтон-Бич форшмак и буженина,
Хорошая закуска и размах в питье.
Здесь можно уживаться в личине гражданина,
Но лишь в чужом поношенном белье.

Но коль она зовёт, когда ночами снится,
Возвращайтесь к нашим берегам.
Возможно, только на чужбине можно научиться
Любви к отеческим гробам.

Побеждать

Кому снится сабельный поход,
Тот найдёт с кем воевать.
А дорогу осилит идущий вперёд,
Чтобы что-то себе доказать.

Но только с вершин покорённых спускаются,
А с тех, что не взяли, – падают.
Бывает, сквозь зубы тебе улыбаются,
А автоматным затвором лязгают.

И он ушёл воевать, чтобы героем вернуться,
Хочется стать богатым и быть любимым,
За славой и деньгами прошвырнуться
И домой вернуться невредимым.

От снарядного воя слепнут глаза,
А в маленькой руке здоровая граната.
Пинками на смерть гонит война
От ужаса оглохшего солдата.

Кому-то нужен поводырь, а кому-то – кнут.
Бывает, что здоровых по пути бросают,
А кровью истекающих несут,
Когда свои позиции бросают.

А кто в атаку поднимается
С рвотной пеной на искусанных губах,
Те героями домой возвращаются,
Но только очень часто – в цинковых гробах.

Пока есть

Глухой любую песню глазами подпоёт,
А слепой картину сердцем ощутил.
Тот любое горе превзойдёт,
Кто себя духовно сохранил.

Не только в сказках остались те места,
Где только-только солнышко взошло,
Под ногами дышит пахота,
И с ребяческой ладошки сеется зерно.

Туда по весне возвращаются стерхи,
Они здесь живут уже тысячу лет.
И с той же ладони им сыплют орехи,
Исполняя старинный завет.

Ещё живы русские печи
И образа в свечении золотом.
Там ещё зажигают по праздникам свечи
И снимают шапку, когда заходят в дом.

Когда чужие беды как свои воспринимал,
А заботы о других тебя не тяготили,
И лжесвидетельством себя не замарал,
Значит, тебя точно в купели окрестили.

Всходит по полям кормилица-пшеница,
И журавли хлопочут у гнезда.
Нам, русским, пока есть на что молиться,
И пусть об этом помнят большие города.

Слушайте

От звонка до звонка исчисляются дни
Обучения в школе и время тюремного срока.
От ночного звонка кровь барабанит в темя,
Потому что за ним будет новая тема урока.

Из пивнушек и борделей труба гусаров собирает
Седлать коней в походный строй,
А горнист побудку пионерам выдувает,
Они пока в резерве славы боевой.

Барабаны строят и ведут в атаку
Со злобными гримасами и штыком наперевес.
А вот африканец, затевая драку,
Может барабаном достучаться до небес.

Шаман в бубне слышит духов голоса,
Он просит их помочь и сострадать,
Он стучит, поёт и пляшет у костра,
И всё это называется «камлать».

Колокольный набат – вестник бед,
На него крестятся, сняв картуз,
И исполняют предками завещанный обет,
Когда на всех ложится тяжкий груз.

Все воздухом одним и тем же дышим,
И тихий стон, и истеричный крик
Умеющие слушать обязательно услышат —
И молодой мудрец, и немощный старик.

Сочельник 6.01.

Разбухла от крови шинель,
В сером небе стервятник сужает круги,
Юный солдат с огнём «Шмель»
Умирает с чугунным осколком в груди.

Танк ослеплённый воеет, как циклоп,
И стальными люками пытается моргать.
Уже не глушит мёртвых миномётный перехлоп,
Он для тех, кто собирался выживать.

Безумно выли волки, глотки зачищали,
Им хотелось выведать ответы:
Почему друг друга люди убивали,
Наплевав на все Заветы и запреты?

Стервятник новый круг пытался заложить,
Но день слабел, сгорая как свеча.
Он в этот час свою добычу не добыл,
Но будет дожидаться раннего утра.

Когда из сотни десять выживали,
А ещё с десятков просто не нашли,
Считалось, что победу одержали,
Даже если десять метров не прошли.

Над покалеченной Землёй ракетами светили,
Где гуляла смерть в компании волков;
А рапорта хорошие, как взятки, заносили
И гнали на убой безродных пацанов.

Тракторист

Он всегда готов был показать
Свой упёртый, бычий темперамент,
И к этому ещё и рассказать,
Обряжая выраженья в собственный орнамент.

И пусть при случае узнают силу кулаков
И простой мужланский норов,
В котором множество понтов
Из арсенала кухонных боксёров.

Он не потянул восьмого класса,
И его определили в силосную яму.
Там его и наставляла биомасса
На дальнейшую в жизни программу.

Потом он в армию советскую пошёл
И стал механизатором в стройбате.
Там он много для себя полезного обрёл,
Копаясь голыми руками в стекловате.

Он одного не смог бы пережить,
Им владел один и тот же страх:
В чём-то себя слабым проявить,
И что кто-нибудь увидит слёзы на глазах.

Ранним утром воздух свеж и чист,
Его в этот час судьба и позвала:
– Просыпайся, сельский тракторист,
Тебя ждут великие дела!

Узнал про себя

Примирийте меня с непогодой,
Помогите понять себя,
Назначьте меня воеводой,
Дайте хоть два полка.

Мы на плац придём прошагать
Под старый марш «Труба зовёт»,
И с шагом строевым честь флагу отдавать
По смыслу слов и по созвучью нот.

Нас не отправят в полицейские кордоны,
Кого-то от чего-то оттеснить,
И кому-то помогать сочинить законы,
Чтобы можно было взять и поделить.

Нас благословит на подвиг ратный
Солдат, погибший под Смоленском,
От которого письмо в листок тетрадный
Хранится за иконой в доме деревенском.

Нам хватит гордости не дать себя запутать
И историю не дать перевернуть.
Нам есть ещё, какие песни слушать,
Есть то, что никому не отобрать.

Не мирите меня с дождём,
Я уже всё узнал про себя:
Если в мой дом ворвались с мечом,
То это – моя война.

Правда

Говорят, что правда – слово устаревшее,
Даже газету с таким именем давно не продают.
Вроде как она, смыслом побледневшая,
Где-то в подворотнях нашла себе приют.

Там собирают рукописную поклажу
И разносят тайно, по ночам,
Всем тем, кому она не на продажу,
И не присягнувшим новым господам.

Нельзя правду ни унизить, ни убить,
А её живую надорвешься проглотить.
И тому, кто не сумел её переварить,
Очень надо что-то от себя присочинить.

Её на сцене исполняли стриптизеры,
Ей рулить пытались церковь и вожди,
А в шапито над ней куражились жонглёры,
Все за ней пытались затоптать следы.

Ещё будут долго тасоваться имена и даты,
Придумывать, кто кого святей.
На той помойке будут и герои, и утраты,
И запахи тлетворные учёных степеней.

Чудовищная пытка для любого —

Это правде заглянуть в глаза.

А сумеешь отвернуться от зеркала кривого —

Увидишь и поймёшь, что истина одна.

Прах к Праху

Знают лучше всех, как надо разговляться,
Те, кто знать не знают, что такое Пост.
Не надо за чужого дядю извиняться
И трусливые призывы принимать за Тост.

На брошенном погосте – трухлявое железо,
Но хилые черёмушки каждый май цветут.
На могилы, древние, как песня Марсельеза,
Много, много лет печеньки не несут.

Кто рождён из праха – превратится в прах
И будет только пылью испаряться,
Но тогда откуда первобытный страх,
Что и оттуда могут возвращаться?

Когда сотни смертных приговоров,
А палачи цветут от вида крови,
Кривые линии кладбищенских заборов
Очертят новых жертв «Земли и Воли».

Это новый, первый круг из девяти,
Но тут новому не смогут научить.
Вот правдолюбца к плахе подвели,
Его уговорили мучеником быть.

Ёлки по деляне метят топором,
А людей – судебным приговором.
Кто долго был неприкасаемым лицом,
Уйдёт с заслуженным позором.

Предлог и причина

Хочу, чтобы всегда был предлог и причина
Посидеть за столом с друзьями,
Чтобы водки испить из графина
И закусить бочковыми груздями.

И чтобы всегда был предлог и причина
Заявиться домой с цветами.
И чтоб тебя не пугала моя щетина,
А ты меня не пугала слезами.

Надо, чтобы всегда была причина и предлог
В самой безнадежной ситуации
Встретиться глазами и начать диалог,
И прийти к понятной ориентации.

Но не хочу, чтобы была причина и предлог
Сидеть и тупо выжидать,
Уставившись в газетный некролог,
Понимая, что уже не надо ждать.

И не надо ни предлога, ни причин,
Остаётся только помолиться
И, когда на гроб накинут балдахин,
Надо с неизбежностью смириться.

И почувствуй, как хочется жить!

И тут не нужна причина, и не нужен предлог,

Но закон бытия не дано изменить,

И потому по каждому написан эпилог.

Простите

Кто-то на полка́х в парилке угорает
И веником себе бока бодрит,
А тут зуб на зуб не попадает,
И левая рука от холода дрожит.

К щеколде кожа прилипает,
А железная дверь – как у танка броня.
Тут на мои звонки никто не отвечает,
Не хочет она даже увидеть меня.

А я просто хочу извиниться
За свои гадкие поступки и слова;
Лучше бы мне было вовсе не родиться,
Чтобы только не случилось, что было вчера.

Загуляла нищета, затряслись лохмотья.
Я свою дозу сильно перепил,
И это бесы ослабили поводья,
И я нагло и конкретно загрубил.

А сейчас под этой дверью
Остываю от позора и стыда,
Я здесь с единственной целью:
Чтобы ты как-то простила меня.

Проявите милость к падшим,
Вам это зачтётся на высшем суде.
Всем покаяние принявшим —
Долгие лета на этой Земле.

Режимы

Каких только режимов не бывает,
Особо много видов – политических.
Конечно, первый – тот, что возбуждает,
Это самый экзотический режим – монархический.

А тот, который беспрестанно удивляет,
Того публично и доверчиво зовут —
демократический.

А есть ещё такой, что грузит и пугает,
Смелые зовут его – автократический.

А есть ещё режимы по видам содержания,
Они под грифами «усиленный» и «общий»:
Там будут заниматься перевоспитанием,
Пока не слепится гражданин хороший.

У режима строгого – своё предназначение,
Там берутся только исправлять,
Но не смотрят на ярое служебное рвение;
Это то же самое, что пальто до пяток
в брюки заправлять.

А есть ещё особые режимы – иждивенцы,
Здесь нет воспитателей, и никого не исправляют,
Те, кто там – уже невозвращенцы,

Их по судебным приговорам ломают и карают.

Но есть ещё один режим – постельный,
И коль тебя туда сумели затащить,
Пусть он тебе не кажется расстрельным,
А поможет Веру укрепить.

Роят

Траншеи роют и окопы, колодцы и могилы,
В ход идёт, что под руку попалось:
Ломы, лопаты или даже вилы,
Тут главным было, чтобы в землю затыкалось.

Только ямы друг для друга роют языками,
Когда коптит в безлунной ночи чёрная свеча,
И чётки разбираются грязными руками
В такт копыт рогатого козла.

Анонимщики – прослойка социальная —
Умело помогала врагов изобличить.
Цветёт, как белладонна, политика фискальная,
Она сумела многим жизнь укоротить.

А окопы роет колесо фортуны:
Сегодня не убили, и значит, повезло.
Удаче не нужны партийные трибуны,
И выживут солдаты всем смертям назло.

А на могиле копщики с лопатой и кайлом,
Водка налита в стакане огранённом.
Тут не надо было думать ни о чём,
Им всё равно, что там, в гробу казённом.

Земля и небо в прошлом и грядущем
Кормили всё, что любит и страдает.
И будет для нас гласом вопиющим,
Что никогда душа не умирает!

С ними

Ветер злобно дунул по сухому насту,
И он на солнце заискрил, как на ёлке мишура.
Наст, плотный и шершавый, подобно пенопласту
Белыми боками трётся о тебя.

Он голыми руками холодный снег копает
В каком-то фантастическом порядке.
Он сам себя пьянит и сразу отрезвляет,
Уверенный в себе и за себя.

Под этой белой коркой поздние цветы
Медленно, но верно умирают.
Эти пасынки осенней суеты
К началу холодов только зацветают.

Кто видел на снегу яркие цветы,
Уверует в любые чудеса.
Ты только их руками не бери:
Они сгорят в присутствии тепла.

Они не могут ни любить, ни обещать,
И на свету им остаётся несколько минут.
Они способны на прощание покивать,
А потом остекленеют и замрут.

Любите всякие цветы – холодные и тёплые,
Они себя во имя нас в жертву принесут.
Они всегда живые, нежные и добрые,
С ними нас поздравят, и с ними помянут.

Селёдка

Зайдите в гастроном, купите себе водки,
Хлеба Бородинского и провесной селёдки,
И пару пачек Беломора фабрики Урицкого,
Да ещё чего-нибудь нашего, мужицкого.

Если спички за копейку кинули на сдачу,
То это сто процентов – на скорую удачу.
Мы в магазине день своей полочки обозначили,
Не зря же целый месяц на дядю отбатрачили.

Все покупки влезли по карманам,
Плохо было только со стаканом,
Но, кто водку в подворотне с горла не выпивал,
Тот в современном мире мало понимал.

А в подворотне ссаками воняло,
Но это нас нисколько не пугало,
И хоть на бочке перевёрнутой селёдочные кости,
Мы каждый день здесь дорогие гости.

Нас помоечные мухи радостно встречают,
Они, наверно, тоже про полочку нашу знают.
Нам селёдку провесную в ключья «Правды» завернули,
Возможно, на приятный аппетит тонко намекнули.

Водка из горла льётся водопадом,
И всё это становится прописанным укладом,
И если это обзывают бытовым алкоголизмом,
То, что тогда зовётся развитым социализмом?

Учитесь

Ядовитая змея шкуру поменяла,
А из колоды выкрали козырного туза.
Если вам из подворотни нечисть угрожала,
Значит, это постная среда.

Вас давно и страстно убеждали,
Что каждый хлебом может поделиться.
И сколько бы теорий вам ни преподали,
Пора чему-нибудь у жизни научиться.

Сумейте избавляться от лишнего балласта,
От похотливой лжи, сучьего покроя,
И от голодной правды, распухшей от лукавства,
И научитесь отделить несчастье от запоя.

Говорите честно и по сути,
И умейте свою радость переуступить,
И не ловите рыбу в беспросветной мути,
Где можно своё имя утопить.

Не лечится подобное подобным,
Как враг для вас не станет добрым другом.
Он с вами будет говорить голосом утробным,
И вам это не покажется недугом.

Анекдотично сказку рассказали,
А потом рыбку золотую изжарили на гриле,
Из Евангелия главу переписали
И все грехи друг другу отпустили.

Чудо из чудес

Майский снег припорошило пылью,
Он прилип к кустам на дне оврага.
Легонько ветерок отдаёт ванилью,
И до настоящего тепла всего полшага.

Мы ватагой пылим по дороге,
И нам везде зелёный свет.
Мы не знаем, что такое скука и тревоги,
Нам всего по одиннадцать лет.

Мы друг на друга лепим листики ольховника,
А в стланике свистят бурундуки.
По обочинам – кусты колючего шиповника,
И мы громко материмся, по-мужски.

Сияет солнце, как блюдо золотое,
И конопатит наши бледные носы,
А над нами небо, воистину родное,
И оно цвета самой чистой бирюзы.

Мы пёхом добирались на рыбалку,
Сложив червей в эмалированную кружку.
Тот не испытал своей смекалки,
Кто не ловил гольянов и пеструю мальмушку.

Жизнь – она и строит, она и разрушает,
Наверно, у неё на всё есть свой компресс,
А бывает, что она вот так вот приласкает.
Но разве всё это – не чудо из чудес?

Стены

На старой чёрно-белой фотографии —
Стены двухэтажного побеленного здания.
Это – страница моей биографии,
Где было всё: от вдохновения до страдания.

Стены строгого барачного дизайна,
Только окна большие и светлые,
И в их очертаньях – какая-то тайна
И юности мысли заветные.

Там, на узких партах – мудрые учебники,
И карта полушарий на стене.
Всё это сочинили какие-то волшебники,
Чтобы я не оставался с собой наедине.

На доске перемножают пятерки на ноли,
Ищут положительный заряд,
А я смотрел в окно и сочинял стихи
Для той, которая сидела через ряд.

Всего лишь пять минут до перемены,
А от стихов осталось две строки:
«Я вас люблю, мои родные стены,
Стоящие на краешке Земли».

Наверно, это есть прообраз Храма,
Где души отмывают от крамолы.
Они – как зуд зарубцевавшегося шрама,
Побеленные стены Дамирской третьей школы.

Помнить

Хочу помнить тех, кого нет,
И то, чего давно уже не стало;
И мне уже оттуда не пришлют привет,
Это только память время удержала.

Наш плохонький домишко умер без меня:
Его доби́ли ветры и дожди,
Но знаю, что тут помнят пацана,
Что из железной кружки поливал цветы.

Оттуда не пришлют ни поученье, ни совет,
От них душа давно уже устала,
Но можно вспомнить запах первых сигарет,
И как сердце на свиданье трепетало.

Хочу, чтобы на нашей танцплощадке
Опять медленное танго зазвучало.
Я перед тобой стоял, как в лихорадке,
А ты мне что-то на ухо шептала.

Друга уже нет, но что он пел – осталось,
Он до сих пор во мне аккорды подбирает,
И у него всегда такое получалось,
Это, наверно, друг по мне скучает.

Я не видел птички красивей, чем трясогузка,
И незабудку назову лучшим ароматом.
И у меня на сердце полная загрузка,
Если всё, что я любил, остаётся рядом.

Сердца

Младенцы умирали, побитые рахитом,
А те, кто выжил, как могли, выросли
С огромным к жизни аппетитом,
Хоть слаще репы ничего не ели.

Но в школе все по-разному учились,
Хотя для всех был одинаковый букварь,
И по-разному по жизни колотились,
Хотя один и тот же правил секретарь.

Им мушкетёры не были примером,
Когда страницы вырывали с дневников.
Их накрыли полусветом коридоры,
Где не уважали маменькиных сынков.

Им умные казались хитрецами,
А если дрались, так только до крови,
Но никогда не били лежачих сапогами
И знали, что за друга обязаны пойти.

Им фронтовая вдовушка оладушки пекла
И во дворе всех угощала, как могла.
Она вроде как давно сошла с ума,
Её покинул разум, но осталась доброта.

Доброта везде – в надежде и в спасении,
И пусть живут легенды их двора,
Ведь не просто был эпитафия в сочинении:
«Не остудите в дороге сердца!»

Картина

Хочу быть художником малоизвестным
И, стоя у мольберта с палитрою в руке,
В каком-нибудь стиле, пусть даже мракобесном,
Писать картину о собственной судьбе.

Как родился на окраине Земли
И рос кривоногим рахитом:
От витаминов плохих кости криво росли,
Здесь всё, что их касалось, было дефицитом.

Хочу нарисовать отравленную воду,
И что с людьми творил алкоголизм.
Здесь жизнь текла по узкому проходу,
А по нему железной поступью шёл социализм.

Но лишь оттенки серого в картину не ложатся,
Если даже с красным замешать,
Но если во всё начинать погружаться,
То только через раз получится дышать.

Я жил полуголодный, но без страха,
И не понял сермяжной правды коллектива:
Там всегда найдётся кумачовая рубаха,
А там – одни и те же директивы.

А краски, как и музыка, фальшивят,
И не получается картину написать,
А грубые мазки никого не осчастливят,
В них самого себя не получается узнать.

Давным-давно

Гитара семиструнная висела на гвозде,
Её давным-давно к себе не прижимали,
Но песни нашей юности она хранит в себе:
Мы их неумело, но с душою исполняли.

Она-то помнит, как давным-давно
Мы пели у дымящего костра.
И нам казалось, что всё зло побеждено,
И в жизни правит только доброта.

Давным-давно на простеньких аккордах
Мы постигали таинство искусств:
Для себя желать одних рекордов
И самых добрых и открытых чувств.

Мы давным-давно по жизни разбрелись
Свои биографии писать,
А семиструнка помнит, как мы поклялись
Никогда друзей не забывать.

Мудрецы уже давным-давно
Смирились с тем, что время беспощадно,
И рано или поздно кончается кино,
И всё уходит навсегда и безвозвратно.

Пусть я не дотянул на свой рекорд,
Сумел что-то просмотреть, а где-то не успеть,
Но пока ещё рука берёт аккорд,
Я хотел бы для гитары песню спеть.

Благодарю

Над столицей белокаменной солнышко в зените,
И будет куча добрых новостей.
Вы всей грудью сегодня дышите
И друг на друга смотрите добрей.

Наступило время хороших предсказаний,
И сядет самолёт по расписанию,
И будет больше встреч, чем расставаний,
И всё сложится по вашему желанию.
А этот день волшебный не кончается,
Когда воздух заполняет запах хлебный,
Которым всё живое восхищается,
Потому что это дух животворящий и целебный.

Всё утопает в полуденном тепле,
Бабушки и дедушки держатся под ручку,
Лебедь на воде рисует дефиле,
А в клетчатой коляске сын качает внучку.

Хочу с удочкой устроиться под ивой
И мякиш московского белого хлеба намять,
И на закате судьбы, где-то горькой,
а где-то счастливой,
На Чистых прудах караю золотого поймать.

Тернист был путь к святому алтарю,
И может не всё у меня получилось,
Но я свою судьбу благодарю
И принимаю всё как Божью милость.

* * *

Валерий Горелов:

*Для меня уже ничто не повторится,
Жизнь догорает, как ольховая лучина.
И я готов, наверно, с этим примириться,
Но меня не отпускает колкая малина.*